

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ И ФРАЗЕМ В АСПЕКТЕ
ЛИНГВОДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061255
Агаповой Ольги Сергеевны

Научный руководитель
доктор фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы дискурса в современной лингвистике.....	5
1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике.....	5
1.2. Дискурсивный подход к исследованию паремий и фразем.....	10
Глава II. Лингвокультурный аспект русской фразеологии и паремиологии.....	16
2.1. Фразеологизмы как средство выражения русской этнокультуры и основные типы фразеологических единиц русского языка.....	16
2.2. Паремии как тексты культуры.....	22
Глава III. Пословицы и загадки как источник языковой игры в художественных и публицистических дискурсах.....	30
3.1. Пословицы как конструктивный и прагматический компонент языковой игры в художественных и публицистических дискурсах.....	30
3.2. Загадки как конструктивный и прагматический компонент языковой игры в художественных и публицистических дискурсах.....	47
Заключение.....	53
Список использованной литературы.....	59
Приложение.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Выбранная нами тема **актуальна** тем, что особенностями языка как функциональной системы является то, что он состоит в постоянном движении. Неизбежное следствие эволюции, закономерное проявление происходящих в нем изменений и одно из его фундаментальных свойств - это характерная для него вариативность языковой единицы.

Глобальной тенденции, преобразующей современный мир и «обостряющей национально-культурную чувствительность, в ряду других разнопорядковых явлений противостоит антропоцентрическая направленность филологических исследований, обуславливающая внимание к национальной специфике языка». Антропологическая направленность/парадигма переключает интересы исследователя с объекта познания на его субъект, то есть анализирует человека в языке и язык в человеке. Среди языковых явлений, отличающихся национально-культурной спецификой, важное место занимают паремии и фразеологизмы. Выполняя кумулятивную функцию языка, паремии и фразеологизмы сохраняют и передают внеязыковой коллективный опыт, отражают своеобразие истории, культуры, традиционный образ жизни народа-носителя, особенности природы и географии, экономики и политики.

Формирование антропологической парадигмы привело к переориентации проблематики паремиологии и фразеологии на изучение феномена человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит именно человек, способный вступать в межкультурное общение с представителями как своей культуры, так и с представителями других культур. Знания, выраженные в паремиях и фразеологических единицах, являются средоточием фоновых знаний о стране, включая и систему мировоззрения, взглядов, господствующих в данном обществе, этических и эстетических оценок, норм речевого и неречевого поведения.

Цель нашего исследования заключается в изучении игровой функции русских паремий и фразем в аспекте лингводискурсивного описания.

Объектом исследования является лингвистический дискурс.

Предметом исследования являются фраземы и паремии русского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд следующих **задач**:

- рассмотреть теоретические основы дискурса в современной лингвистике;
- раскрыть определение дискурса с точки зрения современных лингвистов;
- проанализировать дискурсивный подход к исследованию паремий и фразем;
- рассмотреть особенности лингвокультурного аспекта русской фразеологии и паремиологии;
- охарактеризовать фразеологизмы как средство выражения русской этнокультуры;
- рассмотреть значение и функции паремий в русском языке.

Теоретико-методологической основой для написания данной работы послужили труды таких авторов как: А.К. Хурматуллин, Т.М. Николаева, В.Г. Борботько, В.И. Карасик, Ж. Гийому, Д.О. Мальдидье, Г.А. Орлов, Т.А. Ван Дейк, В.З. Демьянков, Ю.С. Степанов, Е.А. Селиванова, Л.В. Романюк, В.А. Маслова, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко, И.М. Снегирев.

Структура данной работы включает в себя Введение, Три главы, Заключение и Список использованных источников литературы.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике

Само понятие «дискурса» вызывает значительную сложность по причине того, что его востребованность проявилась в рамках некоторых научных дисциплин, например таких, как антропология, лингвистика, этнография, литературоведение, философия, социология, когнитивная психология, социолингвистика, психолингвистика, и др. Таким образом, очень логично, что порождение разных подходов в процессе трактовки сущности и значения понятия «дискурс» происходит из-за многозначности этого термина.

Однако, с уверенностью можно утверждать о том, что благодаря стараниям ученых разных областей саму теорию дискурса можно оформить в данный период времени как самостоятельную междисциплинарную область, которая отражает общую тенденцию к интеграции в процессе развития современной науки [Хурматуллин 2011: 33].

Ещё до того как появилась современная теория дискурса, складываться которая начала в самостоятельную область науки только с середины шестидесятых годов двадцатого века, были предприняты попытки по определению этого термина. Наиболее «старое» значение слово *discours* обретает во французском языке и обладает характеристиками диалогической речи. Полисемичность этот термин приобрел уже в девятнадцатом веке: Якоб Вильгельма Грим, в 1860 году, в книге «словарь немецкого языка» «*Deutsches Woerterbuch*» указал нижеприведенные семантические характеристики определения «дискурс»:

- 1) беседа, диалог;
- 2) лекция, речь.

Такие подходы были характерны во время становления теории дискурса. Этот период приходился на время различных исследований,

которые получили название лингвистики текста. В этот период времени произошел выход лингвистики за пределы исследований изолированного предложения (высказывания) и перешел к анализируванию синтагматической цепи высказывания, которое образует текст. Его конституирующие свойствами проявляются в завершенности, целостности, связности и др.

Первоначально появившийся термин «лингвистики текста» многие ученые представляли не очень удачным, и в определенных лингвистических трудах тексты связной речи определяют как дискурс. Полисемичные признаки «дискурса» зафиксированы в книге Т.М. Николаевой «краткий словарь терминов лингвистики текста»: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, который употребляется некоторыми авторами в значениях, почти омонимичных. Самые важные из них:

- 1) связный текст;
- 2) диалог;
- 3) устная и разговорная формы текста;
- 4) группы высказываний, которые связаны по смыслу между собой;
- 5) речевые произведения как данность – устная или письменная»

[Николаева 2008: 467].

Период возникновения концепции дискурса ознаменовал существенный прорыв в формировании науки о языке и выдвинул перед учеными сложную задачу – определить понятие дискурса с точки зрения лингвистики, т.е. дать его лингвистическое описание. Когда возникла теория дискурса в рамках лингвистики текста, она никогда не переставала утрачивать связи с ней, но однако шаг за шагом продвигалась к дифференциации предмета своего исследования, к тому чтобы разграничить понятие «текста» и «дискурса».

Например, в определении Борботько В.Г., дискурсом пределяют текст, однако тот, составляющими которого являются коммуникативные единицы языка – предложения и их объединения в более крупные единства, которые

находятся в непрерывающейся смысловой связи, что делает возможным его восприятия как единого, цельного образования [Борботько 2011: 8].

Борботько подчеркнул тот факт, что текстовый материал как языковой, не всегда представляется в виде связной речи, то есть дискурса. Текст – более обширное понятие, нежели дискурс. Дискурс всегда будет являться текстом, однако обратный вариант в корне неверен. Не каждый текст является дискурсом, потому что дискурс это частный случай текста.

В современных лингвистических работах трактовка дискурса дается неоднозначно. Здесь выделим несколько вариантов по обозначению дискурса.

1. Функциональный (коммуникативный) подход: дискурс в виде вербальной формы общения (употребление, речь, функционирование языка), или в виде диалога, либо в виде беседы, то есть типа диалогического высказывания, либо в виде речи, когда позиция говорящего противоположна повествованию, которое такой позиции не учитывает.

В пределах коммуникативного подхода понятие «дискурс» определяется в виде «некой знаковой структуры, которую превращают в дискурс её объект, субъект, время, место, и обстоятельства создания (производства)» [Карасик 2009: 5].

2. Структурно-синтаксический путь: дискурс как часть текста, то есть образование выше уровня предложения (сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, абзац).

Под дискурсом понимают два и более предложений, которые находятся друг с другом в смысловых связях, при этом, одним из основных атрибутов дискурса, рассматривается связность.

3. Структурно-стилистический подход: при таком подходе происходит понимание дискурса как нетекстовой организации разговорной речи, которая характеризуется неопределенным делением на отдельные части, преобладанием ассоциативных связей, ситуативностью, спонтанностью, стилистической спецификой и высокой контекстностью.

4. Социально-прагматический подход: когда дискурс в виде текста погружается в жизнь, в обстановку общения, или как идеологически ограниченный и социальный тип высказываний, или в виде «языка в языке», но обозначенный в виде определенной социальной данности, которая имеет свой текст.

Вышеуказанная классификация дает возможность определить тройственность природы дискурса: одни его стороны обращены к прагматике, к типовой ситуации общения, другие – к процессу, происходящему в сознании всех тех кто участвует в общении, и к характеристике их сознания, и собственно к самому тексту обращены третья сторона. Здесь можно увидеть определенную противоречивость подходов. Понятие «дискурса» можно осмыслить в неразрывных связях с понятиями текст и речь.

Если говорить о дискурсе, как о коммуникативном явлении, то необходимо сказать, что он представляет собой некий промежуточный элемент между аспектом речи представляющим деятельность и вербальное общение, с одной стороны, и определенным текстом, который зафиксирован по ходу общения, со стороны другой. Определение «дискурса» в лингвистику ввели в силу того что назрела науке потребность учета не только характеристик «текстов как таковых», в силу их внутренней специфичности, но и текстов как «посланий», адресованных кому-либо и выражающих какую-либо потребность адресатов и авторов.

Коммуникативный и лингвистический аспекты дискурса можно проследить в определениях Орлова Г.А., рассматривающий дискурс как одну из категорий (естественной) речи, которая материализуется в виде письменного или устного произведения речи, который относительно завершён в структурном и смысловом отношениях, длина у которого потенциально вариативна: от синтагматических цепей сверх отдельных высказываний (предложений) до содержательных цельных произведений (рассказов, бесед, описаний, инструкций, лекций и т.д.) [Орлов 2001: 14].

В определении дискурса присутствуют параметры цельности и завершенности, связности (то есть всеми свойствами присущими тексту). Его можно рассматривать одновременно в виде процесса (учитывая воздействие социокультурного, экстралингвистического и коммуникативно-ситуативного фактора), и в виде результата имеющим вид фиксированного текста.

Здесь можно видеть, дефиницию определения «дискурс» расширяющуюся постепенно включающую не только перечисленные основные параметры текстов указывающих на условия, актуализирующих непосредственно этот текст.

Эта определяющая «дискурс» структура аккумулирует точку зрения на «дискурс» ученого из нидерландов Ван Дейка Т.А. Именно ему современное языкознание отдало приоритет в отношении описания дискурса: «...дискурс, пишет Ван Дейк – это коммуникативное и сложное явление, которое включает, помимо текста, ещё и определенные факторы экстралингвистики (установки, знания о мире, цели адресанта), которые просто необходимы для понимания текстов» [Ван Дейк 2009: 7].

Именно это краткое и четкое определение дискурса стало отправным пунктом, который положил начало этого понимания и стал основой и фундаментом большинства работ лингвистов современного периода времени.

Демьянков В.З., взяв за основу новые работы относительно зарубежного языкознания, определил дискурс отразив его функциональную природу, чем в большой степени углубил предыдущую дефиницию: «Discours – дискурс, произвольная часть текста, которая состоит из более чем одного предложения или независимой его части.

Первоначальная структура для дискурса представляет собой последовательность элементарных пропозиций, которые между собой логической взаимосвязью дизъюнкции, конъюнкции и т. д. Составляющие дискурса: излагаемое событие, его участники, информация перформативного характера и «не-события», другими словами:

а) обстоятельство, сопровождающее событие;

- б) фон, определяющий и дающий пояснение событию;
- в) оценка всех участников имеющих отношение к событию;
- г) сведения, соотносящие дискурс с событием» [Демьянков 2005: 7].

Определение дискурса как явления социального характера своими корнями уходит к работам структуралистов и постструктуралистов французского происхождения, и прежде всего это М. Фуко.

В работах направленных на исследование, понимание и обоснование данного термина огромный вклад внесли труды Ю. Кристева, Ж. Деррида и А. Греймас. В трудах этих авторов можно увидеть стремления к тому чтобы уточнить традиционные понятия стилей (в самом широком понимании, которое имеется в виду, когда говорят «стиль – это человек») и индивидуальных языков.

Слово «дискурс» было широко использовано в трудах известного немецкого философа Ю. Хабермаса. В своих работах он определял дискурс как речевую коммуникацию, обусловленную критическими рассмотрениями социальных норм и ценностей. Можно обратить внимание на точку зрения Ю.С. Степанова, она покажется весьма интересной, потому что он связывал дискурс с понятиями альтернативного мира, причинности и фактов. У Степанова можно так же найти весьма широкое трактование дискурса, с точки зрения лингвистики и философии в виде «язык в языке» [Степанов 2005: 45]. Несмотря на то, что Степанов также говорил о том что существовае дискурс в тексте, его понимание и точка зрения на дискурс, как на особый вид возможного мира определяет место дискурса далеко за рамками обычного текста.

1.2. Дискурсивный подход к исследованию паремий и фразем

Необходимо сказать, что современные теории дискурс-анализа рассматривают собственный объект не только как особый способ общения, но и как особый способ понимания окружающего мира или какого-либо его аспекта [Селиванова 2006: 193].

Во фразеологических дискурсах «в эллиптической формуле, оставленной в наследование потомкам» [Селиванова 2006: 255], фиксируют и транслируют из поколений в поколение концептуальные и культурные «генотипы» народов, его моральные и этически-эстетические установки, ценностная ориентация и приоритет, стереотип, культурные и психологические архетипы, миф, ритуал и суеверие, сценарий общественной и политической жизни. Таким образом, данные осадочные дискурсы в большей степени представляют специфичность национального характера и менталитета, что, вероятно, позволит ему выступить одним из регуляторов идеологический и дискурсивной борьбы.

Таким образом, исследовать фраземию и паремию как репрезентанты коллективного народного опыта и его культуры в синергии дискурсивного пространства языка является важным и актуальным поскольку здесь существует возможность пролития света и на процесс борьбы и смену идеологии и дискурсивной практики.

Параметры символизаций, обусловлен фиксациями фразем и паремий как языковой экспонентой культурного знака [Габидуллина 2015: 250] прецедентного феномена этносов, конвенциональных образно-эстетических информаций, также участвует в организации данного дискурса и вступает в противодействие его деструктивных тенденций. Согласно мнению Н. Арутюновой символ имеет более высокую семиотическую статусность если сравнить с метафорами и образами, потому что его предназначение – объединять усилие племенных, общественных и национальных коллективов [Гридана 2016: 338]. Конвенциональность и понятность символа для всего что имеет признаки языка значительно облегчит декодирование содержания фраземы и паремии и играет на повышение их сохраняющей способности.

Параметрами самоорганизаций и трансляторных мощностей фраземы и паремии является интертекстуальный фактор, представленный как в рекурсивной связи фразеологизма и паремии с иным текстом, значимым в культурах определенных этносов, так и прокурсивными активностями

фразеологического знака в текстовых перспективах. А. Потебня рассматривает процессы становлений внутренних форм фразеологизма на основе синтаксически наиболее широкой номинативной единицы, фрагмента текста или целого текста как универсального механизма фразобразований, причем таких рекурсивных интертекстовых переходов может быть последовательными редукциями текстов или аллюзивными преобразованиями его во фраземы [Демьянков 2015: 240]. Б. Ларин, напротив, высказывает мысли об обратных возникновениях от фразеологического оборота наиболее крупной знаковой единицы, в частности, пословицы как результатов «развертываний давнего сокращенного лаконично формулирования идиоматических планов в более полное и понятное представление» [Ларин 2012: 199]. Таким образом, очевидным являются оба типа интертекстуальной связи фраземы и паремии: рекурсивной и прокурсивной.

Наиболее масштабными параметрами самоорганизаций фразеологических дискурсов послужит интерсемиотичности как манифестации отображаемых во фраземе и паремии продуктов культуры: обрядовых и ритуальных семиосистем, материальных культур, искусства и т.д. Связь фраземы и паремии с различным текстом и продуктом культуры устанавливает также путем стереотипизаций как алгоритмизаций в этносознаниях определенного сценария, повторяемом во фразеологических дискурсах. Н. Алефиренко определил эти явления ритуализациями – «формированиями в пределах тех или иных этнокультурных групп устойчивой языковой структуры, каждая из которых исходит из наличия особых внутренних форм связанных с дискурсивными стереотипными коммуникативными и прагматическими ситуациями» [Жуков 2012: 250].

Поэтому, если резюмировать вышеприведённое определение понятия «дискурса», можно сказать, что этот термин, как его понимают современные лингвисты, имеет очень близкий смысл к определению «текста», тем мне

менее носит подчеркнуто динамическую, разворачивающуюся во временных рамках характеристику и признаки языковых общений.

Предлагаемые дискурсивные и синергетические подходы к исследованиям фраземы и паремии приобретает значительную перспективу в отношении разработок выявленного параметра и деструктивного механизма в конкретном языке и для различного исторического временного периода борьбы дискурсов, смены идеологии и господства.

На сегодняшний день в современной лингвистике «антропологический поворот» активизировал новые подходы к изучению феноменов языка и культуры [Романюк 2013: 27].

Определенный методологический синтез применяется в ходе изучения сферхфразовых единств, таких как пословицы, поговорки, загадки, фразеологизмы.

Фразеология и на сегодняшний день является богатейшим полем для лингвистического изыскания - это монография (В.Н. Телия, В.Н. Пелепейченко, Л.Г. Скрипник и др.), учебной пособие (В.Н. Телия, И.Б. Иванова, В.А. Маслова), популярная и научная литература (А.М. Чепасова, В.Д. Ужченко, Ю.С. Баскова) и др. Паремиология несколько иначе представляется нам для изучения. Г.М. Тоцкий подчеркивает, что огромный вклад внесли лингвисты в процессы изучений явлений загадок как языковых феноменов в его формальных репрезентациях [Жуков 2015: 270]. Структурный подтип и структурно-семантическая трансформация пословицы изучала Н.Н. Федорова. Важные роли в развитиях отечественной паремиологии, в частности «теория клише», принадлежит Г.Л. Пермякову, В.В. Митрофановой, В.Г. Сибирцевой, А.В. Насыбулиной и др.

Загадки и фразеологизмы в культурологических аспектах выступают как результат культурной и общественной жизни людей.

Причина этого, во-первых, неоспоримости глубины древнего истока названных языковых феноменов (Д.С. Лихачёв, В.Я. Пропп, В.В. Иванов, А.А. Потебня), во-вторых, специфичность тех общественных и социальных

функций, которые несут в себе проблемы генезисов фразеологизмов и загадок (В.В. Митрофанова, Е.В. Слепушкина, В.Н. Пелепейченко).

Сравнительное исследование Д.К. Зеленина, И.М. Колесницкой, В.В. Митрофановой продемонстрировало формальные и тематические сходства загадок с тайными речами, иносказательными речами сказок, песен, фразеологизмов – с магическими формулами, стереотипами, клише. Анализ и рассмотрение этимологического корня фразеологических образов, стереотипов, метафор стал предметом пристального внимания В.И. Кононенко, А.А. Потебни, В.Д. Ужченко, и др.

Интересным и значимым становится описание, исследование и анализ лингвистической особенности загадок на фоне ее культурологических значимостей в поле народных традиционных культур, языковых картин мира. Такие подходы представляются логичными продолжениями анализов языковых материалов в русле этнологического исследования С.И. Никитиной, Н.И. Толстого, В.И. Кононенко и др.

Говоря о паремии, то как предметы собраний, исследований, систематизаций они рассматриваются с точки зрения множества дисциплин: лингвистика, фольклористика, культурология, антропология, история литературных языков и т.д. Такие разносторонние интересы вызваны спецификами соотношений форм и содержаний загадок, социальным статусом и функциональной особенностью. Существует достаточно большое количество гипотез, которые представлены выдающимися исследователями прошлых и настоящих времен, которые рассматривают происхождения, закономерность развития, общественную и социальную роль и коммуникативную функцию загадок.

Причины таких количеств различных гипотез, которые требуют дальнейших разработок, лежат в самих явлениях загадок. Определяющими аспектами для самих природных бытований загадок, как мы считаем, стали тезисы о троичностях структур паремии и фразеологизма, которые были представлены в работах Г.Л. Пермякова и четко сформулированы

М.Г. Демским. Иными словами, и паремии, и фразеологические единицы находятся одновременно в трёх связанных между собой плоскостях: лингвальная плоскость (собственно языковая), логико-семиотическая, предметная (план реалий).

Внутреннее многообразие загадок привели к появлению множества ее определений, достаточно разного рода и характера. Например, понятие, которое дали ученые фольклористы М.Б. и З.Б. Лановик: загадка – это короткое произведение, в основе которого лежат удачные метафорические вопросы, требующие ответов [Лановик 2010: 558]. Можно видеть четкие характеристики влияния лингвокультурологических направлений и структурно-семантических подходов. Новые энциклопедические словари формулируют понятия о загадках с позиции когнитивистики и лингвостилистики: «Загадки – это жанр народного и поэтического творчества, в виде описания каких-либо предметов или явлений, направленные на испытание сообразительности отгадывающих» [Лановик 2010: 388].

Семиологические аспекты исследований фразеологий и паремии выходят из основных положений знаковых теорий языков, т.е. загадки рассматриваются как некие языковые знаки, являющиеся частями сложных культурных и семиотических языковых систем. «Только семиотика, и, скорее всего, именно она, может подвергнуть осмыслению те общие аспекты, которые содержатся в каждом составном сложном языковом знаке, каковым является употребляемый в речах фразеологический, паремийный и прочий разговорно-фольклорный клише», – утверждает Л.Г. Пермяков. Автор здесь же использует структурный метод исследований языковых материалов, в сочетании их с изучением грамматического и синтаксического особенного сверхфразового единства. Исследуя фразеологизмы как языковые феномены Л.Г. Пермяков сопоставил оба плана существования любого языкового сложного клише – логико-семиотического и морфолого-синтаксического. Тем не менее автор указал также на то что существуют необходимости учета

третьего плана (плана реалии). «Именно здесь, в плане реалий, находит свое отражение вся этническая, географическая, историческая и прочая специфика фразеологизмов» [Пермяков 2015: 47].

Исходя из вышесказанного мы можем прийти к выводу о том, что понимание объемностей и многоаспектностей такой сложной культурно-языковой сущности, как загадки и фразеологизмы, приводят исследователей к необходимости применить в работах комплексный анализ. Далее, задействовать систему собственных лингвистическо-культурно-философского метода даст возможности получить по определению всестороннюю объективную и точную практическую итоговую работу, что, однозначно, уточнит тематические классификации загадки и фразеологической единицы, и здесь же прольет свет на определенный аспект его возникновения, функционирование и развитие языка.

Глава II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

2.1. Фразеологизмы как средство выражения лингвистической культуры и основные типы фразеологических единиц русского языка

Лингвисты двадцать первого века активно разрабатывают направление, где рассматривают язык как национальный культурный код.

Все многообразие культур, накопленное веками, находит отражение в языке конкретного народа. Каждый язык отличается уникальностью и специфичностью. По мнению В.А.Масловой: «Отзвук канувший в летах, пережив века, сохраняется на сегодняшний день в метафорах, пословицах, фразеологизмах, поговорках и символах культуры.» [Маслова 2008: 118].

Хранит культурную информацию любой текст, а минимальный текст, содержащий определенную информацию - это и есть фразеологизм.

Под фразеологией (гр. *phrasis* – выражение + *logos* - учение) понимают науку о сложных по своему составу языковых единицах, которые имеют устойчивый характер: попасть впросак, вверх тормашками, кот наплакал, спусть рукава. Так же фразеологией называют все совокупности этих сложных по составу устойчивых сочетаний – фразеологизмов [Степанов 2014: 101].

Фразеологизм русского языка – это ценный источник информации раскрывающей культуру и менталитет народа, в нем «как бы законсервированы легенды, мифы и обычаи» [Маслова 2008: 136].

1. Известный русский языковед Б.А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражаются – как свет утра отражается в капле росы». [Ларин 2010: 14].

2. Буслаев Ф.И. считал что, фразеологизм – это своеобразный микромир, который содержит в себе «и здравый смысл и нравственный нравственный закон, который выражается в кратком изречении, завещанный предками в руководство последующим поколениям» [Буслаев 2015: 23].

Фразеологическая единица отражает в своей семантике длительные этапы развития народных культур, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные постулаты. В центре фразеологических значений – мировоззрение и мир самого человека. Происходит сравнение мира вещей и окружение человека с самим собой, проводя параллели и аналогии с качествами, действиями или строением тела.

Например, в качестве компонента фразеологических единиц используют слова, называющие органы и части тела человека, указывают на его естественные состояния, эмоциональные и интеллектуальные процессы, движения: *лопнуть/лопаться от злости* – «находиться в гневном состоянии»; *развести/разводить нюню* - «плакать», *повесил нос* – «расстроился»; *до мозга костей* – «полностью, очень сильно»; *облился слезами* – «безутешно и горько плачет, рыдает над чем-то или кем-то»; *можно по пальцам пересчитать* –

«мало»; *льет крокодиловы слезы* – «неискренние, притворные, лицемерные слезы» и др.

Большинство русских фразеологизмов играют роль эталонов поведения или символов: *выносит сор из избы* – «разглашает информацию о каких-то неприятных событиях, которые касаются узкого круга людей»; *мутит воду* – «умышленно запутывает дело, создает неразбериху»; *небо коптит* – «живет бесцельно, не принося пользу другим».

Фразеологизмы как языковые единицы имеют не только особенную семантику, но и свою индивидуальную историю и этимологию, свое происхождение, и особое отношение к литературным нормам и положение в стилистической структуре.

Те фразеологизмы, которые употребляют в русском языке в основном состоят из русских слов, таким образом, языковая фразеологическая составляющая - проявляет национальные признаки, соответственно, источник возникновения фразеологизма это речь людей - носителей русского языка. Большую часть во фразеологических составах в русском языке занимают единицы, которые называют различную человеческую деятельность – речевую, умственную, физическую: *взял быка за рога, строит воздушные замки, копается в грязном белье* и др.

3. Во внутренних формах большинства фразеологизмов можно обнаружить наличие таких смыслов, цель которых придать им национальный и культурный колорит. Например, если говорить о чем-либо необязательном и ненужном, будет использоваться фразеологизм *сбоку припеку*. Это выражение довольно устойчиво и из реально существующей ситуации выпекания хлеба. На боку каравая возникал наплыв из теста, который не употребляли в пищу [Маслова 2008: 216].

По мнению В.А. Масловой, «разное отражение культуры происходит из-за разных типов фразеологизмов. Доступны пониманию и объяснению культурные аспекты тех фразеологизмов, в которых *денотативный аспект* играет большую роль. Таким образом мы можем рассмотреть предмет или

прототипную ситуацию, которая вначале соответствовала буквальным значениям фразеологизмов, допустим, человек подскользнулся и сел на галошу. Эта ситуация закрепляет содержание, вследствие которой затем можно переосмыслить, то есть сформировать образ фразеологической единицы основываясь на первичных значениях слов прототипной ситуации. Таким образом, происходит возникновение внутренней формы фразеологизмов, в которой и наблюдаем содержание основной ситуации, связанной с народной культурой» [Маслова 2008: 222].

Большое количество фразеологизмов, которые употребляются в русском, современном языке, растеряли свою мотивированность, и мы теперь совершенно не осознаем связи их внутренней формы и общего значения, другими словами, когда мы используем в своей речи какие - то фразеологизмы в определенных значениях мы абсолютно не понимаем того, что когда-то эти же фразеологизмы имели другое содержание. Допустим, употребление фразеологизма *мыть кости*, что означает «злословие, пересуды, сплетни о ком-то». Как оказалось, связь фразеологизма со словосочетанием *мыть кости* совершенно прямая.

В древние времена у славянских народов был обряд, при котором производили вторичное захоронение. Его совершали по прошествии нескольких лет после похорон. Суть его заключалась в очищении некогда умершего человека, от греха и снятия с него различных заклятий и проклятий. Перед тем как похоронить выкопанные останки (имеется в виду кости) их перемывали и снова закапывали.

Во фразеологизмах нашла свое отражение и история русского народа: допустим очень часто можно слышать употребление фразеологизма *мамаево побоище*, или как *Мамай прошел*, когда хочется подчеркнуть полнейший беспорядок и хаос. Корни этого выражения связаны с именем татарского правителя - хана Мамаю, который правил на больших территориях Золотой Орды в четырнадцатом веке. Его нашествия на Русь были опустошающими,

он захватил территории до сегодняшних границ Тульской области [Маслова 2008: 257].

Отражением национального менталитета являются фразеологизмы, у которых связь с именем собственным: употребление фразеологизма *на Маланьину свадьбу*, происходит когда необходимо подчеркнуть наличие большого количества еды и угощений. Смысл и суть этого фразеологизма связаны с днем святой Меланьи, который совпадал с датой 31 декабря, по старым календарям, то есть в канун Нового года. В этот период необходимо было готовить большое количество еды и питья, соответственно с Меланьей происходит ассоциация кулинарных изысков и изобилия.

Когда мы хотим выразить угрозу, нами употребляется фразеологизм такой как: *показать кузькину мать*. Кто же такая Кузькина мать и почему ее необходимо бояться? Мнения ученых сходятся на нескольких вариантах происхождения данного фразеологизма, например: Кузькой называют плетку или орудие, которым наказывали дома. В свадебный день на Кузьминки (существовал на Руси праздник такой) жениху необходимо было положить плетку в сапог - символ супружеской власти. Эта плетель и носила название «кузькина мать». Основанием для такого наименования было некое противопоставление того, что это плетка-погонялка, а не родная мать, т.е. можно сделать некий вывод, что Кузькина плетель – своеобразная брачная защитница, и страх должен быть не перед какой-то матерью, а перед самим женихом и мужем, во избежание наказания этой самой плеткой.

С именем собственным имеют связь и другие фразеологизмы: *куда Макар телят не гонял* – «очень далеко»; *лиса Патрикеевна* – «о хитром, изворотливом человеке»; *мели, Емеля, твоя неделя* – «о пустослове, болтливом лгуне»; *Митькой звал* – «кто-либо исчез безвозвратно».

Ментальность русского народа проявляется во фразеологизмах-антропономинантах (это средство номинации лица): *белая ворона* – «человек, который резко выделяется чем-то на фоне других людей, либо не похожий

чем-то на других людей». *Кисейная барышня* – «изнеженная, не приспособленная к жизни особа, в т.ч. мужского пола» [Мокиенко 2000: 155].

Фразеологизм выступает и регулятором общения людей. Русские люди выработали фразеологизмы, как некие формулы этикета: *будь здоров* – пожелать здоровья человеку который чихнул; если просто хочется пожелать здоровья – произносят «*доброго здоровья*» или «*до свадьбы заживет*» и др.

Эмоции можно выразить такими фразеологизмами как: *не велика беда; вот тебе на; вон оно что; живут же люди!*

Очень ярко мышление и склад ума русского народа находит проявление во фразеологизмах имеющих зоонимический компонент.

- млекопитающее – *вертится словно белка в колесе, влюблена словно кошка, волк в овечьей шкуре, волчий аппетит;*
- птица - *ворон считает, денег куры не клюют, дразнит гусей, ловит ворон, мокрая курица;*
- насекомое - *блоху подковать, комар носа не подточит, кормить клопов;*
- пресмыкающийся - *змея (гадюка) подколотная, змей-искуситель, как кролик на удава, как уж на сковородке;*
- рыба - *как сельдей в бочке, как (будто, точно, словно) рыба в воде, карась на горячей сковородке, карась-идеалист; ловить рыбу в мутной воде;*
- ракообразное - *как рак не мели, когда рак на горе свистнет, красный как рак, показать где раки зимуют, узнать/знать где раки зимуют;*
- червь - *заморить червячка, как пиявка.*

Анализируя фразеологическую языковую систему можно прийти к выводу, что многие фразеологизмы в русском языке содержат компоненты которые называются бывшими лексемами, называющими животных.

Это является основанием для выделения таких фразеологизмов в определенный подкласс по общности зоонима-компонента. Т.е. *под фразеологизмом с компонентом-зоонимом можно понимать*

фразеологическую единицу, имеющую в своем составе слова, которые называют животных.

Употребляя фразеологизмы можно придать живость речи и сделать ее очень образной. Это очень ценно в журналистике, поскольку в фельетонах и очерках журналисты, с большой охотой обращают свое внимание к русской фразеологии: «Волга» и ее лихой водитель исчезли, буд-то провалились сквозь землю; Директор был атеистом до мозга костей, поскольку не верил ни в лешего, ни в домового. Обращаясь к разговорной фразеологии в этих случаях, часто приходится смешивать стилистически разнородные элементы, что в свою очередь придает речевому звучанию особую комичность.

Таким образом, нет никакого сомнения, что фразеологический состав языка это очень ценное наследие, с лингвистической точки зрения, потому как именно он отражает культурно-историческое мировоззрение народа, его культуру, традиции и обычаи, а фразеологизмы русского языка в свою очередь направлены на сохранение и воспроизведение его менталитета, его культуры из поколения в поколение.

2.2. Паремии в русском языке

Термин «паремия», как тексты культуры с точки зрения большинства современных исследователей можно понимать как афоризм народного происхождения, а именно поговорки и пословицы [Алефиренко 2009: 244] Фольклорный афоризм вместе с афоризмом нефольклорного происхождения образует определенный пласт языковых выражений, входящий в русскоязычную фразеологическую базу. Паремия обладает планом содержания и выражения, а значит она включена в комплекс парадигматических и синтагматических языковых отношений.

Образуя тематические группы, паремии вступают в отношения антонимии и синонимии, более того, разные варианты поговорок и пословиц участвуют в образовании вариантных парадигм. Рассматривая

парадигматические особенности паремий необходимо учесть, что характер выражения у поговорок и пословиц различный.

Пословица всегда имеет структуру предложения, а поговорка может быть представлена как предложением, так и словосочетанием. Допустим, пословица: «Боишься волков — быть тебе без грибов»; «Имеешь больше денег, имеешь и больше хлопот».

Поговорка в форме предложения: «Живет Ермошка: есть собака, да кошка»; «Как на духу, всю правду скажу». Поговорка в форме словосочетания: «От чистого сердца»; «До гробовой доски».

Таким образом, план выражения паремии — это структура предложения (для пословиц и некоторых поговорок) и структура словосочетания (для поговорок).

Вопрос об отнесении паремий к общему фразеологическому фонду языка достаточно спорный, поскольку паремии совмещают свойства фразеологизмов со свойствами предложений и свободных сочетаний. Кроме того, пословицы и поговорки соотносятся с фразеологизмами по разным признакам, и причина разницы заключается в различной синтаксической природе этих видов паремий.

Существует в современной лингвистике и проблема разграничения паремий и собственно афоризмов. В связи с этим следует дать четкое определение афоризму и паремии. Афоризм — это устойчивое книжное выражение, кратко и оригинально излагающее авторское мнение относительно какого-либо жизненного явления или философского понятия. Паремии — это афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл. Вне сомнения, между пословицами и книжными афоризмами есть немало общего.

Так, З.К. Тарланов отмечает, следующие черты сходства. И те и другие:

- 1) относятся к произведениям малых жанров;
- 2) включаются в контексты как целостные (неделимые) единицы;

3) реализуют мысль в образцовой форме;

4) выполняют в акте речи «аксиоматическую» функцию, то есть не нуждаются в доказательстве» [Тарланов 2009: 66]. Отмечаются и конкретные отличия афоризмов от паремий по следующим позициям: 1) характер содержания, 2) возможность применения, 3) особенности композиции и 4) ритмики, 5) а так-же набор синтаксических конструкций, в которые они облакаются. Следует также отметить, что не все собиратели паремий отграничивают паремии от афоризмов, а во многие паремиологические сборники вместе с пословицами и поговорками включаются и самые разные афористические высказывания.

Говоря о разграничении паремий и собственно афоризмов, нельзя не упомянуть и такую единицу афористического жанра, как притча. Притча, используемая «в библейском и даже в народном языке» как «диковинный случай, разительный пример», иллюстрирующий то или иное положение, в силу своей убедительности, возводила «частный случай до общего понятия» [Снегирев 2015: 28], несомненно являясь одним из источников пословиц.

И действительно, первые источники и образцы для письменных сборников пословиц были собраниями различных изречений библейского происхождения. Самый известный из первых сборников — сборник «Пчела», переведенный на русский язык в XIX в. Многие изречения из этого сборника, в частности, послужили источниками притч Даниила Заточника [Снегирев 2015: 28].

Следуя традиции подобных сборников изречений, более поздние, в том числе и современные издания, содержат как пословицы, так и книжные афоризмы. Таким образом, фразеологизмы, паремии и афоризмы — это разновидности устойчивых выражений, каждая из которых характеризуется своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей.

Состав паремий очень разнородный — в паремиологические сборники, наряду с традиционно определяемыми как паремии пословицами и

поговорками, включаются и самые разнообразные формы народной афористики. Большинство авторов старых рукописных и печатных сборников (И.В. Паус, В.Н. Татищев, А.И. Богданов, Н.А. Добролюбов, А. Бутурлин, М.В. Красноженова, П. Симони, В.И. Даль, И.М. Снегирев и др.) помещали в сборниках помимо пословиц и поговорок многочисленные присловья, скоро-(чисто-)говорки, прибаутки, загадки, поверья, суеверья, сельскохозяйственные приметы и даже изредка разгадки снов. При узком понимании паремиями считаются только пословицы и поговорки, поскольку именно они выполняют функцию «нравоучения» и могут претендовать на статус выразителей «народной мудрости».

Таким образом, паремиологический фонд русского языка — это совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединенных рядом специфических признаков, прежде всего таких, как естественность происхождения и устойчивость в воспроизведении в речи в тот или иной исторический период. Кроме того, паремиологический фонд русского языка является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа. Основные разновидности паремий, традиционно рассматриваемые как часть общего фразеологического фонда русского языка, — пословицы и поговорки. Они живут в народе веками, передаются от поколения к поколению. Меняется окружающая жизнь, но суть человеческих отношений, характеров, основных семейных и общественных ценностей остается прежней.

Пословицы и поговорки характеризуют самые важные для человека стороны жизни, причем характеризуют не беспристрастно, а эмоционально выражают множество оттенков отношения к базовым ценностям. Таким образом, паремии – особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают специфическую информацию,

обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами [Борботько 2011: 8].

Паремии всех народов мира передают одни и те же типовые ситуации, имеют сходное логическое содержание, различаясь лишь образами (детальями, реалиями), с помощью которых передается логическое содержание.

Паремии с полным правом следует отнести к фольклору. Подобно басням, сказкам, легендам и в отличие от слов и фразеологических оборотов, паремии, даже самые маленькие и простые (например, присловья и поговорки), не говоря уже о более сложных (например, побасенках и головоломках), представляют собой тексты, т.е. словесные образования, имеющие самодовлеющие значения и могущие употребляться самостоятельно. Что же касается слов и фразеологических оборотов, то все они, в том числе и наиболее сложные из них, как правило, выступают лишь в качестве элементов текста.

Как и все фольклорные тексты, паремии обладают той или иной темой (иногда даже многими темами), т.е. о чем-то говорят, тогда как слова и фразеологизмы принципиально не имеют собственной темы и могут употребляться по самым различным поводам. Аналогично басням, анекдотам и сказкам, и в противоположность словам и фразеологическим оборотам, все без исключения паремии ситуативны, т.е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами эту ситуацию моделируют или же означают.

Согласно теории Пермякова, паремии, как и все фольклорные тексты, обладают тремя четко выраженными в известной мере автономными структурными планами:

- планом лингвистической (и композиционной структуры);
- планом логической (и семиотической) структуры;
- планом реалий.

То есть, по нашему мнению, это доказывает то, что паремии можно рассматривать и как языковые единицы, и как фольклорные тексты [Пермяков 2011: 8].

Указанная двойственность паремий хорошо видна на примере пословиц и поговорок, составляющих основную массу всего паремиологического фонда.

Фольклористы и паремиологи давно обратили внимание на функциональные различия многих народных изречений. На основании этих различий внутри паремиологического уровня, или с точки зрения фольклористики внутри афористического жанра, были даже выделены три самостоятельных типа паремий (фольклористы их называли жанрами):

1. Пословицы и поговорки;
2. Загадки;
3. Приметы.

Как правило, этими тремя типами (жанрами) фольклористы и ограничивались. Все прочие структурные и функциональные типы паремий, в том числе разного рода «деловые» изречения (хозяйственные, правовые, медицинские и т.п.), вещие сны, поверья, загадочные вопросы, проклятия, пожелания и многие другие, причислялись к трем названным выше или же относились к фразеологизмам.

На деле же, по мнению Пермякова Г.Л., существует по меньшей мере двадцать четыре типа изречений, отличающихся друг от друга своей внешней и внутренней структурой, а также характером прагматических текстовых функций.

Жанр паремии во многом зависит от специфики речевой ситуации, контекст разговора корректирует структурно-семантические признаки текста. Совокупность паремиологических жанров представляет собой открытую сложную систему: паремии в разных обстоятельствах могут структурироваться в разных жанровых обликах, одни могут служить

строительным материалом для других, вторые расщепляться и принимать структурно-семантические признаки более мелких жанров.

Можно назвать семь основных прагматических функций паремий, или семь основных практических целей, ради которых паремии употребляются:

1. Моделирующая функция – присуща всем без исключения типам клише, но ярче всех выражена (и является ведущей) у пословичных изречений, велеризмов, побасенок и одномоментных анекдотов. Суть ее заключается в том, что обладающая ею паремия дает словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации. Даже те клише, у которых отсутствует мотивировка их общего значения тоже обладают моделирующей функцией, так как напоминают нам о ситуации опосредованно через текст.

2. Поучительная функция – эту функцию также можно обнаружить у самых различных паремий, но лучше всего она проявляется у так называемых «деловых» клише, а также у загадок, задач, головоломок и скороговорок. Правда, каждый из названных типов паремий обучает чему-то своему и по-своему: одни знакомят с картиной мира, другие- с правилами поведения, третьи- с правилами мышления, четвертые- с правильной артикуляцией звуков родного языка и т.д. но все они обладают одним общим свойством служить средством обучения каким-то нужным вещам.

3. Прогностическая функция - присуща разным типам паремий, но в наибольшей степени выступает у примет (естественных предзнаменований), поверий (суеверных предзнаменований), «вещих» снов и гадательных изречений. Ее основная суть – в предсказании будущего.

4. Магическая функция - ей могут обладать изречения различных структурных типов, но лучше всего она выражена (и является доминирующей) в разного рода заклинаниях, заговорах, проклятиях, пожеланиях, тостах, клятвах и некоторых угрозах. Основная суть магической функции состоит в том, чтобы словами вызвать нужные действия, навязать природе или другим людям свое мнение и волю.

5. Негативно-коммуникативная функция - присуща различным типам паремий, но ярче всего проявляется (и обязательна) для пустоговорок (изречений, лишенных всякого смысла типа вон оно как, то-то оно как), докучных сказок, шуточных ответов (например, на вопрос Почему? – Потому что «потому», кончается на «у») и дополнений (изречений, дополняющих уже произнесенные и меняющие смысл последних, часто на противоположный: Тише едешь - дальше будешь. От того места, куда едешь.). Смысл изречений, обладающих данной функцией, в том, чтобы, сказав что-либо, ничего при этом не сообщить, или же уйти от нежелательного ответа, либо отвести довод противника (собеседника) [Борботько 2011: 8].

6. Развлекательная функция - может быть свойственна паремиям всех типов, но в качестве первостепенной и наиболее яркой выступает только у прибауток и так называемых армянских (или шуточных) загадок (паремий, имеющих форму загадок, отгадать которые практически невозможно: Что это: висит на дереве, зеленое и пищит?- Ответ: селедка. – Почему же висит на дереве?- Повесили.- Почему зеленая?- Покрасили. - Почему же пищит?- Сами удивляемся.) Подобная функция используется для развлечения слушателей.

7. Орнаментальная функция - по мнению многих паремиологов, это основная функция всех типов народных изречений. Ее суть в том, чтобы «украшать» речь. Однако, ни у одного типа изречений эта функция не является главенствующей и неременной.

Можно сделать вывод, что каждая из функций, перечисленных выше, может быть свойственна всем паремиологическим типам, но доминирующей и обязательной она оказывается только у некоторых из них. С другой стороны, все типы паремий могут обладать всеми текстовыми функциями, но только одна из них оказывается обязательной и главенствующей для данного типа.

Глава III. ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

3.1. Пословицы как конструктивный и прагматический компонент языковой игры в художественных и публицистических дискурсах

Пословицы понимаются нами как замкнутые предикативные единицы гибридного типа, которые совмещают в себе признаки мини-текста и языкового знака, как оценочное суждение, которое используют в речи для того чтобы достигнуть различных реализаций и коммуникативных целей, которые соответствуют коммуникативным стратегиям.

Для лингвистического анализа фразеологических единиц и паремий, А.В.Жуков предложил использовать методику фразеологической аппликации. Например, в составе поговорки - *Шило в мешке не утаишь* «невозможно скрыть то, что само себя выдает» словом-компонентом является глагол «*утаить*». Особенность в содержании фразеологической единицы которая является переходным типом заключается в том, что начальная семантика промаркированных элементов тем или иным образом обнаруживает себя в том что значит фразеологическая единица и как она толкуется.

Именно поэтому внутреннее содержание фразеологической единицы становится в основном составным звеном этого содержания. Внутренние формы связывают в одно этимологические и актуальные значения паремиологических единиц [Жуков 2008: 99].

Ю.П. Сологуб считает, что внутреннее содержание, будучи даже утраченным, немотивированным, концентрирует огромный заряд «наследственной» эмоциональности, которая придает окраску семантике фразеологизмов [Сологуб 2015: 108].

Рассматривая классификацию пословиц по принципу логики, Г.Л. Пермяков выяснил, то что лишь некоторые из них заключают в себе

суждения, другие или основываются на побуждениях, или совмещают побуждение и суждение [Пермяков 2017: 136].

Некоторые исследователи, занимающиеся изучением вопроса относительно того как функционируют пословицы в речи, уверены, что описанию подлежат пословицы только при контекстной актуализации, потому как большинство пословиц можно интерпретировать в нескольких вариантах.

Т.С. Зевахина моделируя употребление паремической единицы в ходе реального общения берет за основу идею множественности конкретных фреймов. Она делает различия образных фреймов (показывающих структуры начального ситуационного образа и задающих класс стереотипной ситуации), окказиональный фрейм (который отражает структуры конкретной ситуации) и обобщенные фреймы (структурирующие абстрактное знание о классах стереотипной ситуации). Происходят метафорические преобразования конкретного фрейма: от окказиональных через обобщенные к образным. Воспринимая текст порядок движений мыслей будут иными: через образ от семантики и обобщения к окказиональным фреймам.

Первым высказал мысль о том, что актуализованные пословицы представляют собой косвенные речевые акты, был Н. Норрик, который считал, что пословицы дважды являются косвенными речевыми актами: потому что, первое, это цитируемые высказывания, второе, они содержат импликатуры. Тот кто говорит, генерирует импликатуры, и тем самым заставляет того кто слушает направлять усилия на поиск дополнительных смыслов и импликаций в своих высказываниях [Грайса 2015: 134].

В целом же, прежде чем согласится с доводом П. Грайса и Н. Норрика, очень хочется внести уточнения, относительно того, что в ситуации с пословицей мы очень часто имеем дело с косвенными директивами, потому что они чаще всего в своих семантических элементах содержат имплицитно или эксплицитно, выраженные советы, рекомендации, указания на то, как необходимо себя вести в конкретных ситуациях.

Е.В.Иванова считает, что смысловые значения пословиц содержат и фреймы и сценарии, и проводит параллели между понятием пословичных сценариев и имплицатуры П. Грайса в теориях косвенного речевого акта. Имплицуемые смыслы, которые она называет сценариями, не только реализуются в ходе актуального употребления пословиц, но и присутствуют в пословицах как виртуальных знаках. Следуя за Д.О. Добровольским и А.Н. Барановым мы приходим к пониманию сценария как процедурного способа представления знаний, формулируемого в термине алгоритмов или инструкций [Баранов, Добровольский 2007: 12]. В силу того что пословицы имеют дидактический характер этот смысл начинает раскрываться в виде побуждения к совершению действий определенного характера.

По утверждению Н. Норрика пословица, как и другой косвенный речевой акт, позволяет тому кто говорит скрыть свои подлинные чувства, давая возможность тому кто слушает и способствуют возможности достигнуть мнимого или истинного консенсуса. По формам, утверждение имеет возможность функционировать в виде императива и т.п. Призвать в помощь себе традиции и сообщество в комплексе, тот кто говорит, исчезает не только как директивный и индивидуальный агент, а так же занимается навязыванием социальных санкций слушающему, и заставляет отвечать реакциями определенных типов [Норрик 2014: 74].

Мы имели возможность убедиться в том, что вопросы о типологических принадлежностях речевых актов с использованием пословиц остаются открытыми. Именно поэтому с целью нашего исследования мы обращаемся к теориям коммуникативных действий Ю. Хабермаса, объединяющий теорию речевого акта с понятиями «фонового знания» и конструирующий понятия «жизненных миров». Он отделяет коммуникации, направленные на успех, от коммуникаций, направленных на понимание. В контекстах коммуникативных действий речевые акты должны отвечать претензиям на истинность и понятность, на соблюдение норм социальной

взаимосвязи. Речевые акты по типу можно представить в виде четырех классов:

- 1) коммуникативный класс, служит для экспликации прагматических смыслов выражений;
- 2) константивный класс – выражает смысл при когнитивных использованиях языка;
- 3) репрезентативный класс - класс представляющий говорящего в речах, эксплицирует эмоции, интенции и отношения;
- 4) регулятивный класс – необходим для того чтобы выразить смысл при интерсубъективных взаимодействиях.

По мнению Ю. Хабермаса, дискурс - представляет собой рефлексивную форму коммуникативных действий, возникающая в случаях, когда у участников есть разногласия между собой, потому что это приводит к тому, что они вынуждены заниматься трансформацией своих точек зрения и подтверждением весомыми аргументами истинности и правильности своих убеждений. Важным требованием здесь является лишь разумность каждого участника и умение признать каждую из точек зрения оппонента как достойную, равную и возможную для рассмотрения [Хабермас 2017: 183].

Основываясь на практичности теории коммуникативных действий Ю. Хабермаса, и пользуясь понятийным аппаратом референциальной и ролевой грамматики У. Фоли и Р. Ван Валина с определенной модификацией в силу того, что природа пословицы очень специфична и модели метафорических преобразований Т.С. Зевахиной, можно дать описание семантики и прагматики пословицы в различных типах дискурса [Абакумова 2009: 95] и охарактеризовать те стратегии которые доминируют.

Для примера можно рассмотреть функционирование пословиц в бытовых диалогах, с целью выявления используемой коммуникативной стратегии ее импликации и употребления, которые они могут иметь в текстах.

Коммуникативные ситуации, описанные в рассказе В. Токаревой, представляют разговоры водителя автомобиля с журналисткой, в ситуации когда он выразил согласие подвезти ее по нужному ей адресу в далекой деревне, куда она поехала с целью выполнения задания газетной редакции, где она работала.

- А у вас семья есть? - Уже нет. Мы расстались.

- Отчего же?

- Я постоянно тратил время на то, что занимался сбором своей машины, а ей было скучно. Она решила уйти к соседу. Теперь я имею машину но не имею жены.

- Вы сожалеете?

- Хотя, была бы жена, но не было бы автомобиля.

- Но что же важнее?

- Но ведь необязательно жену всем показывать, а машину могут увидеть все.

Для Тамары было очевидно, что ее попутчик шутил, но все же «в каждой шутке есть доля шутки», как любит выражаться ее подруга Нелька. Все правда, и только доля шутки.

Внутренний диалог журналистки, рассуждающей про себя и вспоминающей слова лучшей своей подруги, является интрасубъектной коммуникацией и нацелен на то, чтобы понять ситуацию и человека, систему его ценностей, его отношение к жизни, какого типа взаимоотношения предпочтительны. Соответственно такая стратегия является коммуникативной. Следуя примеру своей подруги, Тамара использовала пословицу, кратко моделирующую несколько иную, но аналогичную ситуацию и анализирует ее, оценивая.

Человек который размышляет может претендовать на истину и считать что правильно понимает положение вещей.

Та игра слов, которая используется, не претендует на нарушение истинности суждений. Смоделированная ситуация, описывает один из

возможных вариантов и источников истины. В этом случае это рассуждение о том, что правда может познаваться в форме шутки, ее составляющие могут находить выражение и шутливым представлении происходящего.

Предикат «быть» представлен пропозицией и он может иметь несколько значений:

- 1) Существует, имеется;
- 2) Присутствует, находится;
- 3) Происходит, случается.

Глагол относится к классу: локативное состояние. Логическая структура: есть? что где?

Тематическое отношение: истина (тема), шутка (место). Обозначить образный фрейм можно как «Источник правды». Смысл идеи заключается в том, что даже шутливые характеристики ситуации или предмета, могут предоставить достаточно информации о представлении этой ситуации или предмета, потому как отражают различные объективные, существующие параметры. Конкретные ситуации (окаzionaliальные фреймы) использования паремий фиксируют ситуацию, где водитель шутливо выражает мысль о том, возможность заработать деньги (частный извоз на собственном автомобиле) и внешние благополучные факторы стали для него ценнее счастья в семье. Он сделал выбор в пользу своего автомобиля, которому он уделял наибольшее количество внимания и времени чем своей супруге.

Жена ушла. Эвиденциальность: цитирование любимого высказывания подруги. Время: настоящее время несовершенного вида указывает на постоянно присущее субъекту качество/место пребывания.

Прагматический пик – правда.

Говорящий (подруга Нелька) шутит. Размышляющий (Тамара) серьезно и искренне рассуждает о жизни.

Оценка ситуации со стороны женщины отрицательная, так как мужчина фактически выбирает машину. Оценка ситуативно обусловлена. Эмоциональная составляющая – ирония.

Модальность: эпистемическая, выражение мнения (говорящий верит, убежден, что знает достаточно об этой жизни, ее семейная ситуация примерно такая же: муж-скульптор полностью погружен в свою работу).

Иллокутивная сила: ассертив, выражающий мнение, или экспрессив, в котором преобладает рациональная оценка над эмоциональной.

Происходит позиционирование женщины себя как человека, очень эмоционально оценивающего собственную ситуацию происходящую дома, и у которой мелькает мысль об уходе от супруга, но впоследствии отказывающейся от перемен и принимающей решение не менять ничего.

Неожиданная влюбленность, если бы не определенные обстоятельства, могла бы закончиться разрывом семейных отношений. В итоге жалость к мужу, на творческие муки которого наслаивается алкогольная депрессия, а также привычное положение в обществе и жизнь в столичном городе оказались и для нее важнее любви бедного провинциала. Паремия, таким образом, передает главную идею произведения, выполняет текстовую функцию. Все, что произошло с Тamarой, оказалось наполовину шуткой. В пословице заложен совет, рекомендация: попробуй с иронией отнестись к своим проблемам, и ты увидишь реальное положение вещей, неприятности не окажутся такими тяжелыми бедами, какими казались сначала. Реализуются заложенные в семантике пословицы деонтические нормы взаимодействия (Нельзя причинять вред своим) и нормы безопасности (Не следует принимать необдуманных решений) [Карасик 2014: 76].

Рассмотренный пример показывает особенности реализации смысла пословицы в дискурсе на материале бытового диалога, представленного в художественном тексте. Выявлен новый тип собственно коммуникативной стратегии, не представленный у Ю. Хабермаса, но очень характерный для художественного текста – интрасубъектная коммуникация.

Показано, что пословица выполняет текстовую функцию, представляет собой косвенный директив, имплицитно подразумевает дополнительные смыслы и

передает основную идею произведения. Модель может быть применена к другим типам дискурса.

Очень интересен анализ русских пословиц религиозного содержания на предмет наличия в них языковой игры представляет особый интерес, поскольку данные паремии аккумулируют наследие предыдущих веков, отражают исторически сложившийся взгляд на основы христианской религии, ее взаимосвязь с мифологией и язычеством, исторические реалии. Так, рассматривая языковую игру на материале пословиц и поговорок религиозной тематики в диахроническом плане, мы приходим к выводу, что языковая игра на лексическом и фонетическом уровнях выполняет разные функции. Например, языковая игра в паремиях на фонетическом уровне выполняет аттрактивную, экспрессивную функции. Если мы заглянем в словарь В. И. Даля, то уже здесь найдём множество примеров использования языковой игры в паремиях как средства выразительности, эстетического оформления:

Бог даст и в окошко подаст(1),

Жить – Богу служить (2)

Богу-то с перст, а черту-то с пест (о свече) (3),

Береженого Бог бережёт (4),

Келья – гроб, и дверью – хлоп! (5),

Бог поберег вдоль и поперек (6),

Бог не убог, а Никола милостив (7),

Батожье – дерево божье, терпеть можно (8),

Взял боженьку за ноженьку да об пол (9),

Что Бог ни даст: либо выручит, либо выучит (10)

В приведённых примерах мы наблюдаем некоторые разновидности языковой игры на фонетическом уровне: анаграмматические (построенные на принципе повторения звуков заданного слова в другом или других словах, отражённости одного слова в других: (7, 8), параномазийные (намеренное

сближение слов, имеющих звуковое сходство: (3, 5, 6, 9, 10) и смешанные (1, 2, 4).

Таким образом, для пословиц важны такие элементы языковой игры, как звуковые повторы-рифмы, задающие особый ритм воспроизведения. При этом преднамеренно рифмуются в тексте паремии не только окончания «строк», частей пословицы или поговорки, но и наиболее важные, ключевые слова высказывания – слова, на которые следует обратить внимание, которые нужно запомнить.

То есть всё то, что Д. С. Лихачёв говорил о роли рифмы в пословицах и поговорках, можно смело отнести и к языковой игре: иными словами, она способствует актуализации значения сопоставляемых слов-компонентов пословицы, создавая нужный эффект (чаще комический), делает «схожим несхожее» [Баранов 2017: 170].

Языковая же игра на лексическом и лексико-фонетическом уровне в паремиях – одно из средств репрезентации необходимого содержания, что можно проиллюстрировать на примере паремий советского периода, носящих выраженный лозунговый характер, и некоторых современных паремических аллюзий:

Всякие боги – убоги (1),

Бог богатых любит (2),

Бог грешницу любит (3),

И первая брачная ночь может оказаться Варфоломеевской (4).

Таким образом, мы наблюдаем либо подмену исконного содержания новым, лозунговым с расчётом на лучшую «усваиваемость» (1, 2, 3), либо апелляцию к уже известному образу, опыту с целью привлечения внимания, своеобразного эпатажа (современные антипословицы, журналистские, авторские новообразования) (4).

Интересно, что в пределах тематической группы пословиц, прошедших ряд «идеологических» трансформаций и интерпретаций, наблюдаются существенные содержательные и семантико-стилистические изменения,

привнесённые, в том числе, и с использованием приёма языковой игры. В качестве примера рассмотрим пословицу, зафиксированную в словаре В. И. Даля: *Кабы (Аще бы) не Бог, кто бы нам помог*. В советскую эпоху большее распространение получила зафиксированная в том же сборнике пословица *Бог-то Бог, да и сам не будь плох*, а сегодня уже есть и такой вариант: *(Бог в помощь! – Бог-то Бог, сам бы помог* [Даль 2010: 42]. Так же у Даля зафиксированы следующие пословицы:

С Богом пойдешь – до блага дойдешь,

С Богом пойдешь – к добру путь найдешь,

С Богом пойдешь – добрый путь найдешь, а в словаре А. М. Жигулёва, изданном в советское время, уже встречаем: *С наукой пойдешь – счастье найдешь* [Жигулёва 2015: 14] – наблюдаем не только смену компонентов: *Бог - Наука*, но и замену компонентов *благо* и *добрый путь* на стилистически и «идеологически» нейтральное *счастье*.

Современные антипословицы, в отличие от псевдопословиц советского периода уже не преследуют идеологической цели, а используют приём языковой игры с целью создания комического эффекта в русле общей тенденции развития современной смеховой культуры:

Кто первым встал, тому и тапочки (того и тапки),

Кто рано встает, тому Бог поддает (ср. Кто рано встает, тому Бог подает),

И первая брачная ночь может оказаться Варфоломеевской,

Бог создал сон и тишину, а черт – подъем и старшину,

Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи,

Чтобы сохранить ангельский характер, нужно дьявольское терпение [Даль 2010: 29].

Таким образом, мы видим, что языковая игра в паремиях - это не только средство выразительности и экспрессивности, но и довольно мощное орудие в формировании необходимого для тех или иных целей содержания. Однако следует заметить, что любые попытки искусственного создания

паремий по заданным параметрам, как правило, редко заканчиваются «языковой удачей». Достаточно ознакомиться с содержанием атеистических сборников пословиц и поговорок, чтобы отметить: их убеждающая сила заметно уступает безусловной авторитетности фольклорных единиц. В силу того, что паремии отражают многогранный взгляд народа на явления и жизненные реалии, чутко реагируют на изменения, происходящие в обществе, исторические факты, часть псевдо- и антипословиц со временем находит отклик у русского народа и, видимо, частично сможет перейти в паремиологический фонд русского языка, остальные же останутся отдельной страницей в истории развития современного русского литературного языка.

Пословицы – это очень краткое суждение об отдельных сторонах жизни народа, имеющее обобщенный смысл. В широте обобщения и назидательном характере мысли, в предельной сжатости словесной формы заключается жанровая специфичность пословиц и поговорок. В словесном отношении поговорка короче пословицы, в ней не всегда есть обобщение. Резкой грани между ними нет, иногда трудно отличить пословицу от поговорки.

Пословицы и поговорки ценны не только тем, что они передают из поколения в поколение накопленный опыт и наблюдения народа, - они украшают народную речь. Дискуссия оживляется, когда в ней используется народная мудрость - образные выражения, пословицы, поговорки. По своей природе русская пословица удивительна, метка и выразительна.

Пословица, - вошедшая в речевой оборот форма изречения, это одно грамматически и логически законченное предложение, ритмизованное и подкрепленное рифмой. Она обладает краткостью и простотой. Несмотря на это, пословица отличается большой содержательностью, представляет собой четкое суждение, ясное выражение определенной мысли, обобщения, вывод из жизненных наблюдений и социально-исторического опыта народа: *«Мир да лад – большой клад»*, *«Что посеешь, то и пожнешь»*, *«Горьким лечат, а сладким калечат»*, *«Человек без родины, что соловей без песни»* (2).

Использование пословиц в речевом газетном контексте придает им конкретное значение. В самих пословицах отмечается их связь с живой речью: *«Красна речь пословицей», «Пословица да присказка беседу красят», «Без углов дом не строится, без пословицы речь не молвится».*

Общее качество фольклора – традиционность. Оно выражается в пословицах как устойчивых выражениях, они варьируются незначительно, подчиняются общему закону связи народного творчества с жизнью: *«Старая пословица век не сломится».* Важной причиной устойчивости пословиц является выразительность и строгость их формы, они легко запоминаются.

Устойчивость пословиц подтверждается тем, что их тексты в огромном большинстве случаев зарегистрированы без всяких изменений в сборниках XVII, XVIII, XIX и XX вв. Пословицам свойственны определенные формы обобщения. Это суждения общего характера: *«Жизнь прожить – не поле перейти»;* употребление отвлеченных понятий, имеющих широкое значение: *«Терпение и труд все перетрут»;* использование обобщающих местоимений «всякий», «каждый», «кто»: *«Всяк молодец на свой образец», «Каждому овощу свое время», «Кто в деле, тот и в ответе», «Кто в правде тверд, того не обманет и черт»;* определение особенностей социальных групп: *«Барин за барина, мужик за мужика».* Есть и особый прием обобщения – введение личных имен. Они употребляются порой с обобщающим местоимением: *«Всяк Еремей про себя разумеи», «У всякого Филатки свои ухватки».* Благодаря конкретному выражению общего пословица может применяться ко многим однотипным явлениям. Такой способ обобщения дает основу для употребления пословиц в переносном значении. Иносказательность пословиц – характерная их особенность. В пословицах прямое значение совмещается с переносным: *«Пусти козла в огород, он всю капусту обдерет».* Переносный смысл пословицы могли приобретать в силу расширения их значений. Это происходило потому, что они утрачивали прямое значение, так как исчезало из жизни явление, которое отмечалось в пословице. Так исследователи полагают, что пословица *«Мели Емеля, твоя*

неделя», которая сейчас употребляется только в переносном значении, возникла в давние времена, когда зерно мололи на ручных мельницах; это был тяжелый труд и его выполняли поочередно: каждую неделю назначался тот или иной член семьи, которого затем сменял другой.

Многие пословицы нельзя употребить в переносном смысле: «*Друзья познаются в беде*» (эта пословица говорит только о близких друзьях, которые всегда помогут в трудную минуту), «*Правда дороже золота*» (пословица говорит о том, что правда всегда очень дорога).

Переносное значение возникает в пословице тогда, когда в ней используются выразительные языковые средства, имеющие в основе сравнения или связь явлений по смежности, например, метафора в пословице: «*Нет дыма без огня*».

Употребление пословиц на страницах газет является следствием авторской оценки выразительных и изобразительных потенций указанных единиц с целью реализации прагматической установки.

Происхождение пословиц как жанра отличается давностью своего происхождения. Так, А.С. Архангельский отмечал, что пословицы возникают в далеком прошлом, «вместе с языком, народной мифологией, первыми зачатками обычного права». Ю.М. Соколов указывал, что сохранились архаические моменты, которые помогают понять, когда стали складываться русские пословицы (3). Пословицы отразили народные настроения и стремления в разные исторические периоды. В них входили новые персонажи, например вместо *боярина* - *барин*, *товарища* – *господин*. Происходили изменения в языке пословиц. Словесные формулы варьировались, что-то утрачивалось. Исследователь Ю.М. Соколов приводит в качестве примера пословицу «*На тебе, боже, что нам не гоже*», которая ранее звучала: «*На тебе, убоже (т.е. нищий), что нам не гоже*». В книге «Русский фольклор» он пишет: «На пути исторического изучения пословиц стоит множество трудностей: возникнув в одну эпоху, в условиях определенной социально-экономической формации, в определенной

социальной среде, пословицы продолжают жить века, применяясь к новым социально-экономическим условиям, наполняясь новым социальным содержанием» (3). В пословицах нередко отражается социальное неравенство людей: *«По Сеньке шапка», «Кто пан, а кто пропал», «У кого в кармане густо, а у кого пусто»*. Познавательное значение пословиц проявляется в обобщении богатого жизненного опыта народа. Исключительно богаты и верны наблюдения над природой: *«Яблоко от яблони недалеко падает», «Где цветок, там и медок», «Не родит верба груши»*. «Пословицы с успехом могут быть использованы в качестве исторического источника», - отмечает Л.Н. Пушкарев (4). Познавательное значение пословиц представляет собой проявление воспитательной функции. Справедливо отмечено, что изначальной целью пословиц была передача опыта молодым поколениям. Такого рода функцию имеют многие пословицы: *«Мастера по работе видно»,* аналог *«Дело мастера боится», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Кто не работает, тот не ест»*. М. Горький подчеркивал, что в пословицах «сжат трудовой опыт бесчисленных поколений». В газетном тексте через пословицы выражаются авторские оценки в форме антитезы, часто социально заостренной: *«Коза с волком тягалась, рога да копыта остались», «Мужик с сошкой, а семеро с ложкой»*.

При использовании пословиц на страницах газет их стиль уподобляется газетно-публицистическому стилю, что определяется выполняемыми условиями, устойчивостью их формы и в основном содержанию. По своему характеру функциональный стиль взаимопроникающий, поэтому в публицистическом стиле допустимо использование пословиц и поговорок, которые функционируют в разговорном стиле. Публицистический стиль включает разнообразный пословичный материал. Пословица в нем выступает как явление высокого мастерства разговорной речи. Эстетическая ценность пословиц проявляется многосторонне: простота, краткость, содержательность, выразительность.

Ирония звучит в выражении о многословии: *«Слов много, а складу нет»*, аналог *«Слов много, а смысла нет»*. Пословица, как всякий жанр, представляет собой особую содержательную форму, структуру, основное отличие которой – внутреннее художественное единство, пословица целенаправленна. Все элементы подчинены коммуникативной задаче – точнее раскрыть мысль, ярче ее выразить, благодаря чему достигается концентрация мысли. В пословицах выделяются две основные формы построения: одночастная и двухчастная. Обе формы обладают целостностью: первая представляет собой скрепленное по правилам связи и согласования предложение: *«Пустая мельница без толку мелет»*, *«Не все коту масленица»*, а вторая отличается неразрывной связью двух частей сложного предложения: *«Белый свет не околица, а пустая речь не пословица»*, *«Смеется тот, кто смеется последний»*. Отличием пословицы служит то, что она по форме полностью совпадает с употребленными в ней стилистическими средствами – сравнением и антитезой.

В песне, сказке, былине эти средства представляют собой лишь небольшие элементы структуры, а в пословице они становятся основой ее композиции: *«За старой головой, как за каменной стеной»*, *«Делу время, а потехе час»*, *«Птице - крылья, человеку – разум»*.

Сравнения, антитезы, метонимии служат для передачи определенной мысли, которая имеет воздействующий характер и сохраняет целостность пословицы. Пословица – краткая форма, отличающаяся строгой часто симметричной композицией. Этому содействуют и ритмичность, и употребление рифмы. Ритм и рифма служат выделением основной мысли и сохранению единства пословицы. Пословица односложная - в ней единство ритма - *«Дело мастера боится»*, *«Нет дыма без огня»*. Пословицы также определяют общие свойства человека, отмечают качества, зависящие от жизненных условий, и подчеркивают, что человек носит в себе общечеловеческие черты: *«Совесть без зубов, а загрызет»*, *«Счастливые*

часов не наблюдают». Таким образом, эстетическая сторона пословиц довольно богата, она характеризуется коммуникативной направленностью.

Коммуникативная направленность пословиц и поговорок актуализируется в газетном тексте. Газетное слово, в частности выраженное через пословицы и поговорки – это простое слово, обладающее, однако, способностью ясно и точно выражать самые сложные понятия. Коммуникативная общезначимость пословиц и поговорок как источника выразительных, действенных, экспрессивных средств обуславливает специфические качества газетного текста.

3.2. Загадки как конструктивный и прагматический компонент языковой игры в художественных и публицистических дискурсах

Современный этап развития загадок демонстрирует постепенное свертывание общефольклорной картины мира и переход к иным способам описания действительности. Современные загадки чётко распадаются на две группы — *детские* загадки (для школьников и учащихся младших классов) и *взрослые* загадки (возрастные группы определяются способностью абстрагироваться от предметного содержания и воспринимать языковую игру). Что касается классических загадок, то для них возраст не является важным параметром. Раньше не создавали загадок специально для детей, а использовали «взрослый» вариант.

Увеличение общего числа развёрнутых прямых подсказок значительно упрощает процесс отгадывания и одновременно обедняет семантику детской загадки, поскольку игра со звуком, глубинным значением и оттенками смысла постепенно вытесняется либо перечислением общеизвестных признаков: *«Ква-ква-ква, да ква-ква-ква» — вот и все её слова* (Лягушка), *Мой парус ветер ловит, а волны режет киль* (Яхта), либо рядом синонимов, выполняющих функцию подсказки: *Кто всю ночь по крыше бьёт да постукивает, и бормочет, и поёт, убаюкивает?* (Дождь). Данные загадки можно использовать в методике с первого по четвертый классы.

Большинство современных детских загадок относится не к метафорическим (имеющим полнозначные метафорические эквиваленты в энигматоре), а к описательным. Увеличение объёма текста при одновременном усложнении его структуры (введение синонимов, обращений, междометий), четкий ритм и рифмовка показывают, что детские загадки постепенно облекаются в стихотворную форму. Картина мира детских загадок всё больше ориентируется не на природу, а на предметы материальной культуры, и оперирует не традиционными «глубинными» знаниями, а поверхностной информацией.

Характерными чертами взрослых загадок являются злободневность и ироничное отношение к окружающему миру. Это выражается в преобладании развлекательных загадок и вопросов. Загадки для взрослых вторичны по отношению к детским и классическим, поскольку их адекватное восприятие предполагает знание законов построения и основных образцов классических загадок. Основу современных взрослых загадок составляет семантическая двуплановость и переосмысление устоявшихся понятий.

Взрослые игровые загадки обнаруживают тенденцию к сближению с анекдотом. Как и в анекдоте, в игровых загадках основу комизма составляет неожиданная развязка, находящаяся на границе вопроса и ответа. Меняется и цель: не найти правильный ответ, а подготовить слушающих к восприятию и адекватной оценке сообщаемой отгадки. Незнание приветствуется, а неожиданный остроумный ответ смещает акценты понимания даже самого безобидного вопроса. Основу загадок-анекдотов составляет намеренный обход логики, представление тривиальной информации парадоксальным образом. При этом ответ, в котором концентрируется информация, начинает доминировать над вопросом [Хурматуллин 2011: 33].

К основным способам моделирования игрового пространства загадок относится: смещение акцента кодирования с реальных объектов на сам текст, семантическая переключка разных отгадок к одной загадке, необходимость

устанавливать все возможные семантические связи между вопросом и ответом.

Кодируя предмет, загадка превращает привычные вещи в странные, неизвестные, новые, удивляющие. Фантастическая картина в загадке необходима для того, чтобы остановить внимание слушателя, заставить его задуматься. Таким образом, загадка является наиболее показательным жанром, в котором реализуется приём «остранения» В. Шкловского. Этот термин был введён автором на примере анализа творческого метода Л.Н. Толстого, строения загадок и поэтических образов.

Остранённость придаёт объектам совершенно особый смысл — оставаясь теми же объектами, они претерпевают изменения, получая другое вербальное воплощение. Загадка, скрывая, заставляет перебирать признаки предмета, показывая возможность разнообразного, то есть разноосмысленного их соединения («сходство несходного» у В. Шкловского. В связи с современной загадкой точнее было бы говорить о сходстве (общий признак) несходного (разного).

Основной задачей в загадке является обновление (остранение) свойств энигмата через их перефразирование а) посредством описания вместо названия (простое перефразирование): *С ногами — без рук; С боками — без рёбер* (Стул), *Весной веселит, Летом холодит, Осенью питает, Зимой согревает* (Дерево) и б) через проекцию на свойства ассоциативно связанных с загаданным объектом других объектов (осложнённое перефразирование): 1) с опорой на метафору: *Зубастый крокодил все поле взбороздил* (Борона), *Бочка вина, ни гвоздя, ни дна* (Яйцо); и 2) с опорой на общий синтагматический элемент: *Без рук, без ног, а рисовать умеет* (Мороз), *Белый, а не сахар. Холодный, а не лед* (Снег). Можно использовать в методике для учеников 6 - 8 класса.

Загадка представляет собой намеренно трансформированное описание реальности. Но у этой трансформации всегда есть мотивировка. Человек подмечает подобие между предметами и явлениями, и это подобие

становится в загадке базой связи энигмата и энигматора. Имена явлений объединяются в нашем сознании на том основании, что объединяются воспринимаемые вещи, стоящие за этими именами.

Семантические мотивационные модели могут быть представлены именем существительным (*Не кузнец, а с клещами — Рак*), числительным (*Пять чуланов, одна дверь — Перчатки*), глаголом (*Сидит на ложке, свесив ножки — Лапша*) и именем прилагательным (*Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный — Арбуз*). Некоторые загадки имеют несколько мотиваторов, например: *Серое сукно тянется в окно* (Дым). Сравнение сукна с дымом мотивируется прилагательным *серое* и глаголом *тянется*.

Проводящиеся в последнее время интенсивные исследования в области ассоциативного эксперимента, активно вводят понятия парадигматического и синтагматического типов ассоциаций. Синтагматическая близость отображает частотность совместной встречаемости слов. Если сравнить загадку с ассоциативным экспериментом, то можно сказать, что энигматор загадки отображает ассоциаты, а энигмат — то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул. С этой точки зрения, загадка может быть интерпретирована как обращённый, перевёрнутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него [Хурматуллин 2011: 33].

Л.О. Чернейко ввела понятие «синтагматический ассоциат» для определения глагола (а также прилагательного), входящего в зону сочетаемости двух субстантивов и обеспечивающего возможность их контаминации в речи, а также (метонимически) для обозначения самих субстантивов: *Что общего между сплетнями и пылью? — Их собирают. Из разговора: По части сплетен твоя жена — пылесос* [Чернейко 2007: 84]. Однако можно предложить уточнение: синтагматический ассоциат имени — это другое имя, связанное с первым формальным (или формально-семантическим) тождеством предиката, а сам предикат представляет собой основание синтагматического ассоциата. Общность предиката двух имён, как

доказывает Чернейко, обладает текстопорождающей силой. Применительно к загадке эта сила может быть названа энигмопорождающей.

В своём исследовании Е.Д. Поливанов выделяет два типа загадок. В первом типе искомым оказывается предмет, способный удовлетворить загаданному признаку, при этом ассоциативная нить (мотивировка) заключена в задании. Во втором типе оба связываемых предмета уже даны и искомым является сама ассоциативная связь — мотив сравнения. Современные загадки представляют собой второй тип, где предикат объединяет два уже данных в вопросе объекта (формула «Что общего между X и Y?»):

— Первичные и вторичные значения глаголов объединяют совершенно разные предметы, имена которых сочетаются с глаголами: *Что общего между деньгами и гробом?* (И то и другое сначала заколачивают, а потом спускают);

— Объекты могут сближаться на основе общности эксплицированных предикатов: *Какая разница между прекрасной музыкой и прекрасной женщиной?* (Первую можно слушать часами);

— Существуют загадки-сравнения, где предикат имеет одно значение (прямое), а комический эффект создается изменением последовательности действий: *Чем отличается молодой холостяк от старого?* (Молодой холостяк прибирается в своем доме, чтобы пригласить женщину, а старый приглашает женщину, чтобы прибраться). Эти загадки можно использовать в методике для учеников 9 - 11 класса.

Путем антитезы реализуются контрастные противопоставления в загадках. Многие загадки и поговорки заключают в себе антонимы. В некоторых противопоставляются явления природы:

Вверх – вниз, вверх – вниз,

Кататься хочешь – на нас садись. (Качели)

Кто ни в жару, ни в стужу не снимает шубу? (Овца)

Зимой – нет теплей,

Летом – нет холодней. (Погреб)
В полотняной стране
По реке простыне
Плывет пароход,
То назад, то вперед,
А за ним такая гладь,
Ни морщинки не видать. (Утюг)
Красное, румяное,
Я расту на ветке:
Любят меня взрослые
И маленькие детки. (Яблоко)
Далеко мой стук
Слышится вокруг
Червякам я враг,
А деревьям друг. (Дятел)
Как столкнулся –
Стук да стук!
Тишину испугнут вокруг.
Толстый тонкого побьет –
Тонкий что-нибудь прибьет. (Молоток, гвоздь)
Бывает он в холод,
Бывает он в зной,
Бывает он добрый,
Бывает он злой.
В открытые окна
Нежданно влетит,
То что-то прошепчет,
То вдруг загудит.
Притихнет, умчится,
Примчится опять,

То вздумает по морю

Волны гонять.

В этих стихотворениях антитеза основана на антропоморфизме. Времена года изображаются поэтом в виде двух женщин: старой "седой Зимы", и молодой, "красавицы Весны".

Из вышесказанного следует, что основная функция антитезы как стилистической фигуры контраста – выражение резкого противопоставления и контрастного сравнения двух предметов, явлений, действий.

«Взрослые» загадки можно условно поделить на две большие группы — непосредственно *игровые* и *бытовые*. Бытовые загадки могут содержать политический протест, но, как правило, отражают современные реалии быта и окружающего материального мира. Например, «*Что это такое: синий, большой, с усами и полностью набит зайцами?*» (Троллейбус).

Язык этих новых загадок (не являющихся по сути загадками в строгом первоначальном смысле этого слова) отражает смену картины мира, которая все больше ориентируется не на природу, а на материальную культуру.

Если подходить критически к такого рода загадкам, то мы разделяем мнение В.Г. Сибирцевой о том, что, *современные загадки разрушают внутреннюю, складывающуюся веками, гармонию данного жанра*. Для того, чтобы дать ответ на вопрос-загадку, не нужно оперировать «глубинными» знаниями. Для «отгадки» в данном случае достаточно поверхностной эклектичной информации. В этом случае «западает» воспитательная, а если брать еще шире — мировоззренческая функция языка: формирование нормативного отношения к окружающему миру. Не реализуется в данном случае и свойственная русской загадке задача стимулирования творческих способностей. Образная «оболочка» загадки зачастую подменяется простым перечислением признаков: «*Ползет-ползет, камень съест. Что это?*». В данном случае сойдет любой вариант ответа: «камнеискалка», «камнесобиралка», «камнелюбка». Предполагаемый ответ: «*камнеежка*».

Такого рода загадки, предполагающие многовариантность ответа, по мнению Сибирцевой, относятся к загадкам о «словообразовательных фантомах».

Взрослые загадки, которые все же предполагают следование принципам единственности и однозначности ответа, можно поделить на «озорные» и «переосмысленные». «Озорные» загадки, как правило, провоцируют неприличный ответ, а на самом деле он оказывается неожиданно «приличным». Например: *«Мил полюбил, по дороге повалил (Сон)»*. Переосмысленные загадки получаются в том случае, когда акцентируются разные значения многозначных слов.

Например: *Почему Робин Гуд грабил богатых? — Потому что у бедных денег нет.*

Неожиданные переходы от смысла к абсурду игра слов сближают большую часть игровых загадок с анекдотом. Комичный эффект вызывает зачастую неожиданная разгадка, которая нередко находится на границе вопроса и ответа. Принципиальное отличие такого типа загадки от традиционной состоит в том, что меняется цель загадки. Главное — не найти ответ, а подготовить к адекватному восприятию загадки.

Приветствуется неожиданно остроумный ответ, который возможен в случае смещения акцентов понимания даже самого безобидного вопроса. В основе загадок-анекдотов можно заметить намеренный обход логики, представление тривиальной информации тривиальным образом.

Так же явно обозначившаяся тенденция к трансформации традиционных русских загадок нашла отражение в работе А.В. Насыбулиной. Целью ее исследования является выявление языковых свойств трансформированных русских загадок, раскрытие социокультурного фона трансформов и возможностей их словарного представления. Загадка, по мнению Насыбулиной, ярко демонстрирует одно из основных свойств языкового знака — произвольность. Это свойство в большой степени предопределяет и трансформационные возможности загадки как языкового

явления. Ср.: В потемках родится, с огнем умирает (возможные ответы: воск, северное сияние, луна); Весь мир кормит, сама не ест (возможные ответы: мельница, ложка, буфетчица). Исследовательницей собран большой языковой материал, включающий не только данные сборников загадок, но отдельные загадки из различных публикаций в периодической печати и из интернета. Традиционные и современные загадки рассматриваются как равноценные репрезентанты данного жанра. В своем большинстве загадки трансформы носят развлекательный характер, а языковая среда допускает вторжение в процесс коммуникации довольно низких по стилю выражений. Стараниями современных телевидения и кинематографа «наиболее распространенной темой, актуализирующейся в современных трансформациях загадок, становятся половые отношения» Сама работа и приложение к ней, выступающее в роли прообраза возможного словаря загадок-трансформов, содержит многочисленные примеры подобных паремий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проделанной работы нами была подтверждена актуальность темы, которая заключалась в том, что особенностями языка как функциональной системы является то, что он состоит в постоянном движении.

Глобальной тенденции, преобразующей современный мир и «обостряющей национально-культурную чувствительность, в ряду других разнопорядковых явлений противостоит антропоцентрическая направленность филологических исследований, обуславливающая внимание к национальной специфике языка».

Среди языковых явлений, отличающихся национально-культурной спецификой, важное место занимают паремии и фразеологизмы. Выполняя

кумулятивную функцию языка, паремии и фразеологизмы сохраняют и передают внеязыковой коллективный опыт, отражают своеобразие истории, культуры, традиционный образ жизни народа- носителя, особенности природы и географии, экономики и политики.

Функции фразеологизмов и паремий в языке и речи разносторонни. Использование устойчивых словосочетаний-фразеологизмов часто является незаменимым способом для говорящего обогатить языковые регистры, речевую практику и сделать общение эмоциональнее, выразительнее, красочнее. Разумеется, использование фразеологических оборотов широко распространено в литературе, а также средствах массовой информации.

Предлагаемые дискурсивные и синергетические подходы к исследованиям фраземы и паремии приобретает значительную перспективу в отношении разработок выявленного параметра и деструктивного механизма в конкретном языке и для различного исторического временного периода борьбы дискурсов, смены идеологии и господства.

На сегодняшний день в современной лингвистике «антропологический поворот» активизировал новые подходы к изучению феноменов языка и культуры.

Фразеология и на сегодняшний день является богатейшим полем для лингвистического изыскания - это монография, учебные пособия, популярная и научная литература и др.

Паремиология несколько иначе представляется нам для изучения. Г.М. Тоцкий подчеркивает, что огромный вклад внесли лингвисты в процессы изучения явлений загадок как языковых феноменов в его формальных репрезентациях. Загадки и фразеологизмы в культурологических аспектах выступают как результат культурной и общественной жизни людей [Хурматуллин 2011: 33].

Говоря о паремии, то как предметы собраний, исследований, систематизаций они рассматриваются с точки зрения множества дисциплин: лингвистика, фольклористика, культурология, антропология, история

литературных языков и т.д. Такие разносторонние интересы вызваны спецификами соотношений форм и содержаний загадок, социальным статусом и функциональной особенностью.

Семиологические аспекты исследований фразеологий и паремии выходят из основных положений знаковых теорий языков, т.е. загадки рассматриваются как некие языковые знаки, являющиеся частями сложных культурных и семиотических языковых систем. «Только семиотика, и, скорее всего, именно она, может подвергнуть осмыслению те общие аспекты, которые содержатся в каждом составном сложном языковом знаке, каковым является употребляемый в речах фразеологический, паремийный и прочий разговорно-фольклорный клише», – утверждает Л.Г. Пермяков.

Лингвисты двадцать первого века активно разрабатывают направление, где рассматривают язык как национальный культурный код.

Все многообразие культур, накопленное веками, находит отражение в языке конкретного народа. Каждый язык отличается уникальностью и специфичностью. По мнению В.А. Масловой: «Отзвук канувший в летах, пережив века, сохраняется на сегодняшний день в метафорах, пословицах, фразеологизмах, поговорках и символах культуры».

Хранит культурную информацию любой текст, а минимальный текст, содержащий определенную информацию - это и есть фразеологизм.

Под фразеологией (гр. *phrasis* - выражение + *logos* - учение) понимают науку о сложных по своему составу языковых единицах, которые имеют устойчивый характер: попасть впросак, вверх тормашками, кот наплакал, спусть рукава. Так же фразеологией называют все совокупности этих сложных по составу устойчивых сочетаний – фразеологизмов [Хурматуллин 2011: 33].

Фразеологическая единица отражает в своей семантике длительные этапы развития народных культур, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные постулаты. В центре фразеологических значений – мировоззрение и мир самого человека. Происходит сравнение мира вещей и

окружение человека с самим собой, проводя параллели и аналогии с качествами, действиями или строением тела.

Например, в качестве компонента фразеологических единиц используют слова, называющие органы и части тела человека, указывают на его естественные состояния, эмоциональные и интеллектуальные процессы, движения: *лопнуть/лопаться от злости* – «находиться в гневном состоянии»; *развести/разводить нюню* - «плакать», *повесил нос* – «расстроился»; *до мозга костей* – «полностью, очень сильно»; *облился слезами* – «безутешно и горько плачет, рыдает над чем-то или кем-то»; *можно по пальцам пересчитать* – «мало»; *льет крокодиловы слезы* – «неискренние, притворные, лицемерные слезы» и др.

Паремии всех народов мира передают одни и те же типовые ситуации, имеют сходное логическое содержание, различаясь лишь образами (деталими, реалиями), с помощью которых передается логическое содержание.

Паремии с полным правом следует отнести к фольклору. Подобно басням, сказкам, легендам и в отличие от слов и фразеологических оборотов, паремии, даже самые маленькие и простые (например, присловья и поговорки), не говоря уже о более сложных (например, побасенках и головоломках), представляют собой тексты, т.е. словесные образования, имеющие самодовлеющие значения и могущие употребляться самостоятельно. Что же касается слов и фразеологических оборотов, то все они, в том числе и наиболее сложные из них, как правило, выступают лишь в качестве элементов текста.

Пословицы понимаются нами как замкнутые предикативные единицы гибридного типа, которые совмещают в себе признаки мини-текста и языкового знака, как оценочное суждение, которое используют в речи для того чтобы достигнуть различных реализаций и коммуникативных целей, которые соответствуют коммуникативным стратегиям.

Очень интересен анализ русских пословиц религиозного содержания на предмет наличия в них языковой игры представляет особый интерес, поскольку данные паремии аккумулируют наследие предыдущих веков, отражают исторически сложившийся взгляд на основы христианской религии, ее взаимосвязь с мифологией и язычеством, исторические реалии. Так, рассматривая языковую игру на материале пословиц и поговорок религиозной тематики в диахроническом плане, мы приходим к выводу, что языковая игра на лексическом и фонетическом уровнях выполняет разные функции. Например, языковая игра в паремиях на фонетическом уровне выполняет аттрактивную, экспрессивную функции.

Таким образом, для пословиц важны такие элементы языковой игра, как звуковые повторы-рифмы, задающие особый ритм воспроизведения. При этом преднамеренно рифмуются в тексте паремии не только окончания 'строк', частей пословицы или поговорки, но и наиболее важные, ключевые слова высказывания – слова, на которые следует обратить внимание, которые нужно запомнить [Хурматуллин 2011: 33].

Пословицы – неотделимая часть культуры любых народов. Они вобрали в себя все этапы исторического и духовного развития народа, передают энергию и дух людей, которые говорят на определенном языке, специфику их жизненное определения и менталитета.

Возникновение пословиц берет свое начало в далекой древности и с тех пор сопутствуют людям на протяжении всей их истории, а особенные свойства превратили их в стойкую и неотъемлемую часть быта и речи.

Во всем разнообразии языковых шаблонов, под которыми можно понимать устойчивые словесные образования, видную нишу заняли народные выражения (изречения) или так называемые паремии, которые выражаются предложениями (например, поговорки, пословицы, приметы), а также в виде коротких цепочек предложений, которые представляют простейшую сценку или элементарный диалог (например, «одномоментные» анекдоты, побасенки, загадки).

Таким образом, формирование антропологической парадигмы привело к переориентации проблематики паремиологии и фразеологии на изучение феномена человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит именно человек, способный вступать в межкультурное общение с представителями как своей культуры, так и с представителями других культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І.Теоретические работы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология [Текст]: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. — М.: Флинта: Наука,2009. - 344с.
2. Абакумова, О.Б. Пословицы в газетном тексте и медийном дискурсе [Текст] / О.Б.Абакумова.- Auspicia. Praha: Vrsers,2015. -128-135с.
3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д.Арутюнова.- М.: Академия,2014.-137с.
4. Бондарко, А.В. О стратификации семантики [Текст] / А.В. Бондарко // Общее языкознание и теория грамматики.-2016.-№ 10.- С. 51-63.
5. Баранов, А.Н. Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов //Серия литература и язык.-2017.- № 1.-С.11-21.
6. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В.Г. Борботько.– Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос.ун-та,2011. -113с.
7. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ВанДейк. – М.: Прогресс,2012. –310с.
8. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса [Текст] / Т.А. ВанДейк. – Л.: Сэйдж пабликэйшнс,2011. –384с.
9. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.:Инфра-М,2015. -247с.
10. Гийому, Ж. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса [Текст] / Ж. Гийому. – М.: Прогресс, 2012.– 136с.
11. Габидуллина, А.Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие [Текст]: дис. канд. филол. Наук / А.Р. Габидуллина.- Донецк, 2015. -304с.
12. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество [Текст] / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ,2016. –215с.

13. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца XX века.–2015.–С. 239–240.
14. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Инфра, 2014. -506с.
15. Жуков, А.В. Очерки по фразеологической семантике [Текст] / А.В. Жуков. -Вел.Новгород, 2012. -277с.
16. Зевахина, Т.С. Метафора мертвая и живая [Текст] / Т.С. Зевахина.- М.: Академия, 2012. -222с.
17. Карасик, В.И. Религиозный дискурс [Текст] / В.И. Карасик.– Волгоград: Перемена, 2013. –108с.
18. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик.- М.: Академия, 2014. -226с.
19. Карасик, В.И. О категориях дискурса [Текст] /В.И. Карасик // Тверской лингвистический меридиан.- 2015.–№ 13.-С. 57-68.
20. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики.-2011.-№ 7.-С. 3-18.
21. Кривоносов, А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления [Текст] /А.Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – 2016. –№ 6. –С. 35-36.
22. Ломакина, О.В. Паремнология в дискурсе.Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира [Текст] / О.В. Ломакина.-М.: Инфра, 2015. -304с.
23. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии. История русского языка и общее языкознание [Текст] / Б.А. Ларин.-М.: СтатИздат, 2016. -118с.
24. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика [Текст]: учеб. Пособие / В.А. Маслова.- М.: Тетра Систем, 2016. -118с.
25. Мокиенко, В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь [Текст] / В.М. Мокиенко.- М.: Русский язык, 2015. -155с.

26. Милованова, Ж.В. Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса [Текст] / Ж.В. Милованова.- Волгоград.: Перемена, 2014. -65с.
27. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики [Текст] / Т.М. Николаева.- М.: Прогресс, 2011. -480с.
28. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка [Текст] / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта, 2016. –344с.
29. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов.- М.: «Азбуковник»,2015. -939с.
30. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки. Очерки по теории клише [Текст] / Г.Л. Пермяков.- М.: Академия,2014. -107с.
31. Поспелова, Ю.Ю. Концепт «интеллектуальное взаимодействие» в педагогическом дискурсе [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук / Ю.Ю. Поспелова.- Киров,2009. -17с.
32. Роботова, А.С. Современный педагогический дискурс [Текст] /А.С. Роботова // Вестник Герценовского университета.-2012.-№ 12.-С. 19–25.
33. Романюк, Л.В. Проблемы исследования фразеологии и паремий в современной лингвистике [Текст] /Л.В. Романюк // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.-2014.-№ 16.-С. 34-37.
34. Рябцева, Н. К. Логический анализ языка. Язык речевых действий [Текст] / Н.К. Рябцева.- М.: Наука,2014. -82-86с.
35. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса [Текст] / Е.В. Сидоров.-М.: Инфра, 2013. -232с.
36. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности [Текст] /Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. –2015.- № 14.- С. 35-73.
37. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и принцип Причинности [Текст] /Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века:.-2012.- № 18.-С. 35–73.

38. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов.– М.: Академический проект,2014. –101с.

39. Хурматуллин, А.К. Ученые записки Казанского университета [Текст] /А.К. Хурматуллин // Серия Гуманитарные науки:.-2011.-№ 6.-С. 31-36.

II.Список использованных словарей:

1. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст].- М.:Академия.-2014

III.Список источников:

1. Селиванова, Е.А. Фраземы и паремии в синергии дискурсивного пространства языка [Электронный ресурс] / Е.А. Селиванова.-Режим доступа:// <http://refdb.ru/look/2950571.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ I. План-конспект урока по русскому языку

Задачи урока: формирование мотивации на учебную деятельность, умение находить и различать пословицы и поговорки; развитие коммуникативной способности учащихся, орфографической зоркости, умение связывать предложение, обогащать словарный запас и речь учащихся; воспитание чувства ответственности за жизнь окружающих, отрицательного отношения к бездушию, лицемерию; повышение социальной активности учеников посредством решение актуальных проблемных ситуаций; воспитание интереса к языку.

Цель урока: формирование понимания и систематизации знаний, соотнесение известного с новым; ознакомить с пословицами и поговорками и умение работать с текстом.

Реквизит: выставка книг, карточки индивидуальные и раздаточные, учебник.

Тип урока: урок – игра «Электронная почта».

Вид урока: нестандартный урок.

Методы обучения: объяснительный, частично – поисковый, словесный.

Форма работы: коллективная, групповая и индивидуальная.

Ход урока

1. Побуждение.

1. Организационный момент.

- Здравствуйте, ребята!
- А теперь поздоровайтесь с гостями! Садитесь.
- Кто дежурный в классе?
- Кого нет в классе?

2. Сообщение цели и задачи урока.

- Какое сегодня число?
- Какой день недели?

- Открыли тетради, записали число, классная работа.

Сегодня наш урок будет необычным. Урок – игра «Электронная почта»

- У вас дома есть компьютер? (Да)

- А электронная почта? (Да)

- Что такое электронная почта?

(отправляем сообщение, переписываемся с друзьями, отправляем рисунки, фото, музыку, но для этого нужно создать свой сайт.)

А в старину люди писали письма и отправляли через почту.

И это письмо ждали 3 - 4 дня. А сейчас всё это можно сделать через электронную почту мгновенно получаешь письмо или сообщение.

- Тогда начинаем наш урок.

Сегодня мы познакомимся с пословицами и поговорками.

Итак, начинаем нашу игру. Сейчас каждая группа должна выбрать название для своего сайта.

1 группа – храбрый лев 2 группа – мудрая сова 3 группа – умный щенок

I тур. « Домашнее задание»

Каждая группа зачитайте своё сообщение, которое пришло на ваш сайт:

Что вам было задано на дом? (с.146 упр.330. Допишите фразеологизм)

Слома голову – быстро зарубить на носу – запомнить

Клевать носом – дремать в час по чайной ложке – мало

Сидеть, сложа руки – бездельничать сложить голову – погибнуть

Задирать нос – зазнаться от всей души - искренно

II. Осмысление

II тур. « Запомни и ты»

4. Новая тема.

1. Работа с текстом.

- Ребята, на ваш сайт поступило странное сообщение: одна из трех групп должна показать театрализованное представление.

- Сегодня какая группа у нас выступает?

(наша 1 группа, но участвует все группы, так как много героев)

• Итак, начинаем наше представление. (с.154 упр.351) – выступление детей

• Дария: так давайте жить дружно, уважать друг друга и любить. С давних пор известно, что «дружба не покупается и не продается» и что дружба дороже всех богатств. Народ создал много мудрых пословиц и поговорок на эту тему. Дружба верна не лестью, а правдой и честью.

• Молодцы, ребята! Объяснение учителя.

• Пословицы и поговорки относятся к фразеологическим выражениям. Пословицы – это меткие народные изречения. Поговорки – это свернутые пословицы

2. Вопросно – ответная беседа.

- Цыплят по осени ... Жизнь дана на добрые....

- Кто не работает, тот... У страха ...

- Кашу маслом...

III тур. « Необычное сообщение»

5. Закрепление.

1. Письменная работа.

- Ребята, на ваш сайт поступило странное сообщение:

Закончите начатые пословицы.

Пушинка к пушинке – станет мягко в корзинке.

Ум – хорошо, а глупость плохо.

Лес рубят – щепки летят

Тяжело в ученье – легко в бою

2. Игра «Как белка в колесе»

Нет друга – ищи, а нашёл – береги.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь.

Век живи – век учись

III. Рефлексия

IV тур. «Диалог в режиме « online»

3. Самостоятельная работа с.153 упр.348

Следующее наше сообщение: Допишите пословицы.

Волков бояться – в лес не ходить. Семь раз отмерь – один раз отрежь. Ум – хорошо, а глупость плохо. Поспешишь – людей насмешишь. Делу время – потехи час. Не спеши языком, а торопись делом. Тише едешь – дальше будешь. Век живи – век учись. Кто не работает тот не ест. Труд всегда дает, а лень портит.

V тур. «Агент»

4. Работа по группам

Вам надо отправить сообщение, другу используя пословицы.

(с.152 упр.345) – работа по карточкам.

1 группа – 2 пословицы.

2 группа – 2 пословицы.

3 группа – 2 пословицы.

1 группа – любишь кататься, люби и саночки возить. Яблочко от яблони далеко не падает.

2 группа – Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть. Лес рубят – щепки летят.

3 группа – Тяжело в ученье – легко в бою. У страха глаза велики.

5. Работа с одаренными детьми

с.154 упр.351 (в, а, в, б, б, б, а, б, а, а)

Цыплят по осени Друзья познаются

а) наряжают; а) в еде;

б) угощают; б) в беде;

в) считают; в) в счастье;

Кто не работает, тот... Суди не по словам, а

а) не ест; а) по труду;

б) всегда с заботою; б) по работе;

в) крепко спит; в) по делам;

Кашу маслом Семеро одного

а) заправлять опасно; а) не ждут;

б) как окрошку квасом; б) ждут;

в) не испортишь; в) подождут;

У страха Жизнь дана на добрые

а) красная рубаха; а) слова;

б) глаза велики; б) дела;

в) чуткие уши; в) поступки;

6. Работа со слабоуспевающими детьми

с.152 упр.344 (а, а, а, в)

Пушинка к пушинке – Лес рубят -

а) станет мягко в корзинке; а) щепки летят;

б) и выйдет перинка; б) деревья губят;

в) не найдёшь серединки; в) природу не любят;

Ум – хорошо – Тяжело в ученье -

а) а глупость – плохо; а) подкрепись печеньем;

б) а два лучше; б) дождись развлечения;

в) а способностей нет; в) легко в бою;

7. Игра «Кто быстрее?»

Голодный как...(волк). Грязный как(свинья). Хитрый как ...(лиса).

Здоров как(бык).

8. Итог урока

- Что нового вы узнали на уроке?

- Чем занимались на уроке?

9. Домашнее задание: с.153 упр.349

1 группа

Любишь катат..ся, люби и саночки возит...Яблоч..ко от яблони далеко
не пада..т.

2 группа

Чтобы рыбку с..есть, надо в воду лезт... Лес рубят – щепки л..тят.

3 группа

Т..жело в ученье – ле..ко в бою.

У страха глаза в..лики.

КАРТОЧКА ДЛЯ ОДАРЕННЫХ

Цыплят по осени Друзья познаются

а) наряжают; а) в еде;

б) угощают; б) в беде;

в) считают; в) в счастье;

Кто не работает, тот... Суди не по словам, а

а) не ест; а) по труду;

б) всегда с заботою; б) по работе;

в) крепко спит; в) по делам;

Кашу маслом Семеро одного

а) заправлять опасно; а) не ждут;

б) как окрошку квасом; б) ждут;

в) не испортишь; в) подождут;

У страха Жизнь дана на добрые

а) красная рубаха; а) слова;

б) глаза велики; б) дела;

в) чуткие уши; в) поступки;

КАРТОЧКА

Пушинка к пушинке – Лес рубят -

а) станет мягко в корзинке; а) щепки летят;

б) и выйдет перинка; б) деревья губят;

в) не найдёшь серединки; в) природу не любят;

Ум – хорошо – Тяжело в ученье -

а) а глупость – плохо; а) подкрепишь печеньем;

б) а два лучше; б) дождись развлечения;

в) а способностей нет; в) легко в бою;